

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94 (55) «172»

Д. П. ГАМЗАТОВА

Дагестанский государственный
университет

ИРАН В ПЕРИОД СВЕРЖЕНИЯ ВЛАСТИ И РАСПАДА ДЕРЖАВЫ СЕФЕВИДОВ (1722-1727)

В статье освещается последняя стадия системного кризиса региона Сефевидов в Иране в период правления шаха Султан-Хусейна, завоевание Ирана афганцами, борьба между Россией, Персией и афганскими правителями Мир Махмудом и Мир Ашрафом за иранское наследство. Статья написана на основе архивных, российских, персидских, англоязычных и других материалов, нашедших отражение в русско-иранских, русско-турецких и афгано-турецких договорах 1723, 1724, 1727 гг., завершивших процесс расчленения этой страны.

20-е гг. XVIII стали завершающейся стадией системного кризиса государства Сефевидов. Начавшийся со времени вступления на трон шаха Сулеймана (1666-1694), этот кризис обрел черты глубокого, масштабного и необратимого процесса в период правления Султан Хусейна Сефевида (1694 – 1722). Последовавшее за этим пятилетие совпало по времени с афганским засильем, с одной стороны, присоединением прикаспийских областей к России – с другой и османской оккупацией северных провинций, завершившим распад Иранского государства.

В основе этих процессов лежали причины экономического, политического, социального, конфессионального и международного характера. Как показывают источники, явный перелом в этом отношении произошел в конце XVII – первые полтора десятилетия XVIII в., нашедший отражение в фирманах Султан Хусейна 1698, 1701, 1710 и последующих годов, резко увеличивших размеры прежних и утвердивших сверх того три новых тяжелых налога.

Так, по сведениям очевидца событий шейха М.А. Хазина, следствием такой политики стало крайнее обеднение не только крестьян и кочевников, но и отдельных категорий наследственных владельцев земли [1. С.307]. Бегство крестьян и ремесленников от уплаты налогов стало массовым явлением, что каралось беспощадными мерами. По словам другого очевидца, Е.Х. Джалаляна, один из этих указов гласил: «Если кто найдет скрывавшегося и спрятавшегося (налогоплательщика. — Д.Г.) и сообщит о нем шаху, то голову скрывавшегося шаху, а имущество станет добычей того лица, которое донесло о нем» [2. С.14].

Экономический и социальный гнет покоренных народов сопровождался политическим и духовным гнетом – гонением шиитов против суннитов. Экономический упадок Ирана повлек за собой и политический упадок. Недальновидный, слабовольный «гаремный» шах Хусейн оказался бездарным правителем. Убожество шаха и его окружения оттягивало процессы ослабления центральной власти и ее представителей на местах.

Как доносил в июле 1717 г. русский посол А.П. Вольтерский из шахского двора, бездарные правители Ирана «так свое государство разорили, что ... и Александр Великий (Македонский. — Д.Г.) в бытность свою [в Иране] не смог войною так разорить. И чаю... что бог ведет к падению сию корону» [3. С.155]. Сказанное подтверждается и другими фактами. Например, в беседе с поручиком А.И. Лопухиным в марте 1718 г. дербентский юзбаши Сефи Кули-бек обозвал наместника шаха в Дербенте «ишек салтан, которого мы имеем у себя подобного скотине, а не человеку» [4. С.18-19]. Примечательно и то, что находившийся в Шемахе в июле 1720 г. российский посол Ф. Беневини также пришел к однозначному выводу: «крайнего сего государства разорение очевидно» [5. С.57].

Последствия политики иранских правителей вызвали недовольство по всей империи, особенно в неперсидских окраинных областях, что резко изменило ситуацию как на окраинах, так и в самом Иране. Продолжавшиеся с начала XVIII в. антииранские восстания в Дагестане, Азербайджане, Грузии, Армении, Курдистане, Афганистане, арабских странах Персидского залива и антифеодалная борьба в самом Иране привели державу Сефевидов на грань катастрофы. Крайнее военно-политическое ослабление Ирана дало возможность местным правителям свергнуть власть завоевателей и самим перейти в наступление [6. С.203].

В 1720 г. из бывших вассалов шаха начал поход в Иран правитель Кандагара Мир-Махмуд, но первый раз неудачно. Однако новый подъем антииранских восстаний, особенно в Дагестане и Ширване, где власть Сефевидов была свергнута в августе 1721 г. [7. Л.144 с об.], подвигли афганцев на дальнейшие действия. В конце 1721 г. 20-тысячное войско афганцев снова вторглось в Иран, нанесло поражение иранской армии, захватило Керман и двинулось на столицу Исфахан. Перепуганный шах Хусейн безуспешно обращался за помощью к кавказским владетелям, «склоняя на это полупокорных подданных деньгами и подарками» [8. С.10.].

Потерпев неудачу, он заточил в темницу родственника тарковских шамхалов великого визира (этти-ма-уд-доула) Фатали-хана Дагестани, ложно обвиненного в установлении тайных связей с предводителями дагестанских и курдских повстанцев. Но это не сохранило на троне ни самого шаха, ни его наследников. 22 октября 1722 г. столица Ирана была захвачена афганцами. Шах Султан Хусейн Сефи был низложен, но его сыну Тахмаспу удалось бежать и перебраться в Казвин, где он объявил себя шахом Тахмаспом II. В Иране временно воцарилась чужеземная афганская династия во главе с завоевателем Мир-Махмудом [9. С.349].

Создавшейся ситуацией решили воспользоваться Россия и Турция, давно мечтавшие об овладении Кавказом и прикаспийскими владениями Ирана. Правительство Петра I решило опередить Порту, готовившую вторжение в Иран, и не допустить занятия ею прикаспийских областей, что подорвало бы торговлю России с Востоком. Как заметил академик Бартольд, османлы, «воспользовавшись упадком персидской державы, [хотели] захватить ряд областей и вновь распространить на них, как в XVI в., свою власть» [10. С.762]. Учитывая это, Петр I стремился «повернуть внешнюю торговлю Персии с Европой на кратчайший волжский транзитный путь... обеспечить русским купцам преобладание в этой торговле ... подчинить России богатые северо-западные обла-

сти распавшейся державы Сефевидов» [11. С.76].

Частичное решение этой задачи произошло летом 1722 г., когда 100-тысячная русская армия во главе с Петром I заняла приморскую территорию от Астраханского залива до Дербента [12. С.422-423]. В следующем году русские войска заняли Баку, Энзели и Решт, что вызвало острое недовольство в Стамбуле. Весной 1723 г. турки начали захват иранских территорий, вступили в Грузию и овладели Тбилиси. Между тем 12 сентября 1723 г. иранский посол Исмаил-бек, прибывший с полномочиями от шаха Султан Хусейна в Петербург, подписал с Россией дружественный договор о добровольной уступке ей городов Дербент и Баку, а также провинций Гилян, Мазендеран и Астрабад. Взамен Россия обязывалась помочь Ирану в борьбе против его врагов — непокорных вассалов, афганских и турецких оккупантов [13. С.79, 80, 81].

Однако под давлением Турции, активно поддержанной Англией и Францией, 12 июня 1724 г. был подписан русско-турецкий Константинопольский договор, признавший за Россией те области, которые она получила у Ирана по Петербургскому договору 1723 г. Кроме того, помимо дагестанских феодальных владений, находившихся в ее подданстве, она обрела 2/3 территории Ширванской провинции в сторону моря от Шемахи. На 1/3 приморской полосы Ширвана создавалось особое ханство, находившееся в вассальной зависимости от турецкого султана. Непосредственно под власть Турции, как подлежащие прямому управлению Портой, к ней отходили Восточная Грузия, Восточная Армения и большая часть Азербайджана. Территории между новыми границами Турции и России, как буферная зона, признавались за Ираном в лице номинального шаха Тахмаспа, если он выполнит условия данного договора [14. С.82].

Однако эта зона находилась под властью Мир-Махмуда, вызвавшего террористическими методами правления ненависть не только иранского народа, но и своего ближайшего окружения. В результате заговора придворных в 1725 г. Мир-Махмуд был убит, а на престол возведен его двоюродный брат Мир-Ашраф. Попытки нового правителя Ирана сблизиться с иранской знатью не имели успеха. В ответ на исфаханский переворот брат свергнутого шаха, сидевший в Кандагаре, Мир-Хусейн отказался признать власть Мир-Ашрафа и провозгласил себя самостоятельным кандагарским правителем.

Эти события привели к тому, что находившиеся в Иране афганцы лишились притока подкреплений из родины, что создало благоприятные условия для наступления Турции. В результате ряда сражений с переменным успехом в октябре 1727 г. был подписан Хамаданский договор, по которому Ашраф признавал турецкого султана Ахмеда III халифом всех мусульман-суннитов, в том числе и афганцев, а Ахмед III, в свою очередь, признавал Ашрафа шахом Ирана.

Но главное заключалось в том, что под власть Порты отходили Тебриз, Ардебиль, Ереван, Хамадан, Керманшах, Султания, а также земли между Багдадом и Басрой. Таким образом, сверх территорий, признанных за Турцией по Константинопольскому договору 1724 г., она обрела в зону своего влияния Хузистан, Зенджан, Тегеран и Казвин с их округами, составлявшими 2/5 территории Ирана. За Ашрафом сохранились провинции Восточного Ирана [15. С.77]. Как верно заметил иранский историк Рамазани, «это драматическое продвижение турок сделало более реальной подчинение страны османами, чем когда-

либо за долгую историю Ирана» [16. Р.22]. Сказанное подтверждается территориальным расчленением Ирана между противоборствующими сторонами и временным прекращением существования Сефевидского государства.

Библиографический список

1. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. - Пигулевская Н.В. и др. Л., 1958.
2. Есаи Католикос. Краткая история страны Агван / Пер. с арм. Т.И. Тер-Григорьяна. Ереван, 1868.
3. Цит. по: Бушев П.П. Посольство Артемия Волинского в Иран в 1715-1718 гг. М., 1978.
4. Журнал путешествий через Дагестан А.И. Лопухина, 1718 г. История, география и этнография Дагестана в XVIII — XIX вв. (архивные материалы). М., 1958.
5. Посланник Петра I на Восток. Посольство Флорио Беневини в Персию и Бухару в 1718-1725 гг. М., 1986.
6. Ашрафян К.З. Падение державы Сефевидов (1502-1722 гг.) // Очерки по новой истории стран Среднего Востока. М., 1951.
7. АВПР. Ф.89: Сношения России с Турцией. Оп.89/1, 1721. Д.7.
8. Неверовский А.А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношении до уничтожения влияния лезгин на Закавказье. СПб., 1848.
9. Бастани П. (Мохаммад Ибрагим) Сийасат ва эктесада-е аср-е

Сафави. Техран, 1328.

10. Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Соч. М., 1963. Т.2. Ч.1.
11. Рейснер И.М. Падение державы Сефевидов и нашествие афганцев на Иран (1722-1729 гг.) // Доклады и сообщения истфака МГУ. М.: МГУ, 1950. Кн.10.
12. История Дагестана. В 2-х т. Т.1: История Дагестана с древнейших времен до конца XX в. М., 2004.
13. Гаджиев В.Г. Петербургский договор 1723 г. // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI — начале XX в. Темат. сб. Махачкала, 1998.
14. Сб.РИО. СПб., 1886. Т.52. С. XIX — XXV; Мустафзаде Т.Т. Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII в. Баку, 1993.
15. Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях XVIII в. М., 1991.
16. Ramasani R.K. The Foreign Policu of Iran. A Developing Nation in World Affairs 1500-1941. Charlottesville, 1966.

ГАМЗАТОВА Диана Пахрутдиновна, соискатель кафедры истории стран Азии и Африки Дагестанского государственного университета.

Дата поступления статьи в редакцию: 16.01.2007 г.

© Гамзатова Д.П.

УДК 9(571.55)2

Д. А. МЯСНИКОВ

Иркутский государственный университет

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫЕ НЕРЧИНСКОЙ КАТОРГИ В 1890-1900 ГГ.

В статье содержится обзор Нерчинской политической каторги последнего десятилетия XIX века. Названы фамилии нескольких десятков государственных преступников, кратко охарактеризован режим заключения для этой категории заключенных, приведены малоизвестные свидетельства современников.

Тема политической каторги и ссылки в Сибири XIX-XX вв. разработана в отечественной историографии довольно подробно. Основательно изучена ссылка декабристов, изучаются отдельные аспекты данной тематики — польская ссылка, история Карийской каторги, массовая каторга и ссылка 1906-1917 гг. и т.д. Однако историки, занимающиеся этим направлением, до сих пор уделяли мало внимания истории политической каторги и ссылки в Забайкалье последнего десятилетия XIX в. Практически все исследования ограничиваются 1890 г. [1, 2, 3]. Причина заключается в том, что в этом году произошла реорганизация политической каторги в Сибири. До того момента ссыльнокаторжные государственные преступники были сосредоточены в Карийской тюрьме, и их количество исчислялось сотнями человек. Недостатки в условиях содержания этой категории заключенных и в управлении Карийской тюрьмой заставили правительство ликвидировать Карийскую каторгу, а оставшихся к тому времени 13 государ-

ственных преступников тюремного разряда перевести в новую Акатуйскую тюрьму. По сравнению с предыдущим периодом количеством политических заключенных в Акатуйской тюрьме было незначительным — не более 10 человек, поэтому историки не уделяли должного внимания данному периоду.

Настоящая работа призвана частично восполнить этот пробел — назвать имена политических заключенных, кратко охарактеризовать режим содержания и т.д.

Как уже было сказано выше, первыми государственными преступниками Акатуйской тюрьмы стали 13 человек, переведенных 25 сентября 1890 г. из упраздненной Карийской тюрьмы. Все они были осуждены за участие в народолюбивом движении в 1880-х гг. К моменту перевода в Акатуйскую тюрьму они уже длительное время находились в заключении, и значительная часть сроков их наказания истекла. К 1 января 1891 г. в тюрьме было 12 человек (кроме умершего к тому времени Николая Санковс-

кого). 10 января 1891 г. Николай Дзвонкевич был переведен в Кадаинскую тюрьму, Павел Иванов в Алгагинскую, а Осип Нагорный — в Зерентуйскую. До конца года в вольную команду вышли еще несколько человек из этой группы - Генрих Дулемба, Никита Левченко, Моисей Диковский, Афанасий Спандони-Басманджи, Аарон Зунделевич и Владимир Чуйко. 24 ноября в Акатуй из Карийской тюрьмы был переведен Григорий Фомичев. Таким образом, к 1 января 1892 г. в Акатуе осталось 4 государственных преступника — Иван Тищенко-Березнюк, Мечеслав Маньковский, Петр Якубович и Григорий Фомичев [4].

В 1892 г. в Акатуй прибыли Лев Владимирович Фрейфельд и Михаил Васильевич Стояновский, осужденные за принадлежность к народовольческому кружку. В конце этого же года на каторгу прибыла значительная партия заключенных, участников Якутского протеста. Они были осуждены за вооруженное сопротивление властям на различные сроки каторжных работ и переведены из Вилуйской тюрьмы Якутской области, где отбыли часть срока [5]. Среди них были: Шендер Гуревич, М.Р. Гоц, О.С. Минор, Михаил Петрович Орлов, Матвей Исидорович Фундаминский, Моисей Васильевич Брамсон, Марк Абрамович Брагинский, Мендель Аронович Уфлянд, Иосиф Борисович Эстрович, Михаил Борисович Эстрович, Константин Моисеевич Терешкович и Леон Лазаревич Берман. Эта группа заключенных вышла на поселение в 1894-1895 гг. Перед прибытием этой партии в Акатуе несколько месяцев содержался их сопроцессник Самуил Ратин. Он пошел на сотрудничество с полицией и был отделен от основной части участников Якутского протеста. Летом 1892 г. он был переведен в Зерентуйскую тюрьму [6].

3 января 1893 г. прибыли осужденные за покушение на казанского губернатора Полторацкого государственные преступники Николай Иванович Кочурихин и Александр Иванович Архангельский. 17 марта прибыл осужденный за принадлежность к партии «Пролетариат» Бронислав Александрович Славинский, а 13 марта 1895 г. — Виктор Александрович Вейншток, осужденный за революционную пропаганду среди солдат. Данные заключенные стали последними русскими революционерами народовольческого толка на Нерчинской каторге в XIX веке.

7 июня 1898 г. из Карийской тюрьмы поступили последние пять государственных преступников вне тюремного разряда. В их числе были Мария Александровна Ананьина, Прасковья Семеновна Ивановская, Анна Васильевна Якимова, Самуил Майер, Моисей Андреевич Диковский. С ними прибыл муж П. Ивановский Александр Волошенко [7]. Эта группа заключенных находилась при Акатуйской тюрьме недолго и вскоре вышла на поселение. С их переводом закончилась история Карийской политической каторги, ставшая целой эпохой в истории русского революционного движения.

Положение политзаключенных в Акатуйской тюрьме существенно отличалось от Карийской. Здесь они были подчинены общеуголовному режиму. Теперь им, как и уголовным, регулярно брили головы, постоянно обыскивали, сняли с них вольную одежду и надели арестантскую. Они должны были вместе с уголовными не только жить в одних камерах, но и совместно работать и питаться из одного котла. Последнее условие очень сильно подрывало материальное положение политических — уголовных было значительно больше, и в результате сами политические получали из общего котла меньше, чем

вкладывали. Деньги, которыми располагали политические, пришлось делить с уголовными.

Работали политические в руднике, в основном занимались добычей, откаткой руды и пустой породы. Каторжный режим предусматривал для работающих ссыльнокаторжных «уроки», то есть устанавливался объем, обязательный для выполнения. Несмотря на то что труд был очень тяжелым, политические работали с охотой, объясняя это тем, что работа для них была отдыхом от той атмосферы, которую создали в тюрьме уголовники. Первое время уголовная верхушка попыталась подчинить себе политических и распространить на них свои порядки. Доходило даже до того, что на жизнь политических покушались. Известен случай покушения на Петра Филипповича Якубовича [8]. Политическим долго пришлось налаживать отношения с уголовными, они прилагали огромные усилия, чтобы выработать формы общения, которые бы устраивали обе стороны.

Однако нельзя сказать, что планы правительства по уравниванию государственных и уголовных заключенных были реализованы полностью. Этого невозможно было сделать в силу огромной разницы в социальном статусе, образовательном уровне, степени общего развития, мотивах преступлений и т.д. Уголовные сами не приняли бы политических преступников в свою среду, так как видели в них представителей высшего сословия, которых толкали на преступления непонятные им идеи. С другой стороны, и государственные преступники всеми силами старались не смешиваться с уголовной средой.

Спаянные корпоративностью, государственные преступники, переведенные из Карийской тюрьмы, обладали огромным опытом в отстаивании своих прав и в получении не предусмотренных законом льгот. Тюремная администрация предпочитала уступить их требованиям, чем идти на открытый конфликт, чреватый негативной репутацией в обществе. Первый начальник тюрьмы — Иван Михайлович Архангельский, старался ввести предписанный режим, но и он был вынужден уступить. Своими главными ошибками сам он считал обращение к заключенным на «вы» и допущение дополнительного довольствия [9]. Это позволило государственным преступникам увидеть возможность дальнейших уступок, которые они и получали от последующих, менее принципиальных, чем И.М. Архангельский, руководителей тюрьмы.

Английский путешественник Гарри де Виндт, посетивший Акатуйскую тюрьму летом 1894 г., оставил любопытные свидетельства. В частности, он пишет, что камеры содержались в полной чистоте. Стены и полы некоторых камер были украшены сосновыми ветками и пучками полевых цветов, аромат которых смешивался с запахом махорки и распространялся по всей тюрьме. Почти в каждой камере имелись книжные полки — собственность политических заключенных. Постельные принадлежности арестантов были скатаны и аккуратно прибраны. Спальные места политических заключенных выделялись сложенными возле них книгами, туалетными и письменными принадлежностями [10].

Хотя на ночь все заключенные размещались в общих камерах, в дневное время для государственных преступников было выделено отдельное помещение для письменных занятий и чтения. Там же раз в неделю происходили свидания с друзьями и родственниками, которые проживали в соседнем селе.

На вопрос автора об условиях содержания политический заключенный М.Р. Гоц ответил: «Нет, мы не можем жаловаться на фактическую жестокость, но это — ужасное место. Иногда мне казалось, что я

теряю рассудок, но, слава богу, я пережил это. Карийская тюрьма была достаточно плоха, но там, во всяком случае, была возможность для уединения. Здесь, если ты не лежишь в больнице, то находишься с самыми мерзкими и деградирующими преступниками, и ночи, - добавлял он с дрожью, - являются иногда слишком ужасными для описания» [11].

Как видим, государственный преступник жаловался не на тяжесть режима или отношение администрации, а на психологическую атмосферу, вызванную вынужденным совместным проживанием с уголовными заключенными.

Больницу Г. де Виндт описывает как светлое, просторное, хорошо проветренное помещение, которое включало в себя комнату для консультаций, амбулаторию и четыре 2-местные палаты. В одной из палат постоянно лежали политические заключенные. В этой палате было два стула, стол, заваленный письменными принадлежностями, и две железные кровати [12].

В заключение, английский путешественник сделал вывод, что с политическими заключенными в Акатуге обращаются гуманно, и что их жизнь была терпимой настолько, насколько позволяли обстоятельства. Однако стремление правительства к совместному содержанию уголовных и государственных заключенных, казалось ему «не только жестоким, но и ненужным». Такое отношение было прямо противоположно гуманному отношению к заключенным, которое, по его словам, он увидел в Сибири. Хотя фраза о гуманном отношении к заключенным в Сибири в целом может быть оспорена, в отношении политических заключенных вывод Г. де Виндта вполне справедлив.

В самом конце 1895 г. и начале 1896 г. в Акатуйскую тюрьму двумя партиями прибыла большая группа осужденных по делу «Союза польского народа». Очевидно, это были последние польские сепаратисты на Нерчинской каторге. Суд над ними состоялся 4 августа 1894 г. в Киеве. Члены этой организации были обвинены в шпионаже в пользу Австро-Венгрии и в стремлении, в случае войны с ней, поднять восстание в польских землях с целью отделения их от Российской империи. В Акатуй попали практически все, осужденные по этому процессу — 23 человека [13].

В числе вновь прибывших были: Иван Осипович Квятковский — осужденный на бессрочную каторгу, Владислав Осипович Квятковский — 15 лет, Александр Васильевич Остроумецкий — 20 лет, Петр Акимович Андрушкевич — 20 лет, Константин Филиппович Иоаннович — 19 лет, Абрам Израилевич Ваксберг — 19 лет, Иван Антонович Бригер — 15 лет, Осип Андреевич Эрст — 14 лет, Павел Шимонович Бык — 14 лет, Иван Иванович Чайковский — 14 лет, Владислав Иванович Прокоп — 14 лет, Иван Иванович Цихоцкий — 13 лет, Игнатий Петрович Бзимек — 13 лет, Осип Маврикийевич Цетнерский — 13 лет, Иван Васильевич Борен — 13 лет, Станислав Станиславович Кондзельский — 13 лет, Александр Марианович Росцишевский — 12 лет, Бронислав Данилович Маевский — 12 лет, Станислав Людвигович Кржеминский — 12 лет, Людвиг Осипович Пташинский — 12 лет, Роман Осипович Пендрацкий — 12 лет, Мариан Фелицианович Катарский — 12 лет, Владислав Степанович Домарадзский — 8 лет [14].

Эта группа была очень разнородной по своему сословному и возрастному составу, по социальному положению, гражданству. Среди них были выходцы и из дворянского, и из мещанского, и из крестьянского сословий. Самому старшему из них — И.А. Бри-

геру, на момент поступления в тюрьму было 58 лет, а самому молодому — В.С. Домарадзскому, 26 лет. С.С. Кондзельский и Р.О. Пендрацкий были подданными Австро-Венгрии.

Двое из этой группы заключенных — М.Ф. Катарский и И.М. Цетнерский вместе с «пролетариатцем» Б.А. Славинским и И.С. Битнером образовали, по словам С.С. Кондзельского, «кампанию пролетариев». «В свободное время, - пишет С.С. Кондзельский, особенно длинными зимними вечерами, они обсуждали, как можно освободить людей из-под эксплуатации евреев, цехов, духовенства и имущественного превосходства буржуазии» [15].

В составе этой группы заключенных практически не было противостоящих администрации. Единственным исключением был И.О. Квятковский, судя по сроку наказания, один из лидеров этой группы. С целью изоляции от основной части заключенных, он был переведен в Зерентуйскую тюрьму. В отчетах начальника тюрьмы А.П. Архипова практически все поляки характеризовались положительно — «поведения скромного, обращения почтительного, к работам усерден, влияния на уголовных не имеет» [16].

Во время пребывания в Акатуге некоторые из поляков получили и развили трудовые навыки. Например, Р.О. Пендрацкий научился переплетному мастерству, а С.С. Кондзельский занимался швейными работами. И.И. Цихоцкий активно участвовал в украшении Акатуйской тюремной церкви [17].

Несмотря на значительные сроки заключения, последний из этой группы, П.Ш. Бык, освободился из тюрьмы уже 24 декабря 1899 г. Это объяснялось тем, что к ним были применены сокращения по Манифестам 1894 и 1896 гг. [18], и тем, что многие из них, имевшие значительные сроки наказания, подали прошения о помиловании.

Первые 12 прошений от П.А. Андрушкевича, А.В. Остроумецкого, К.Ф. Иоанновича, А.И. Ваксберга, В.О. Квятковского, И.А. Бригера, В.И. Прокопа, О.А. Эрста, И.В. Борена, И.П. Бзимека, И.И. Цихоцкого, и А.М. Росцишевского начальник каторги направил военному губернатору области 20 марта 1898 г. Императорским указом 1 ноября 1898 г. все они были переведены в разряд ссыльнопоселенцев и освобождены из тюрьмы. Летом 1899 г. подал прошение о помиловании И.О. Квятковский [19].

Несколько ранее, 22 ноября 1897 г. в Акатуй прибыли Аркадий Андреевич Теляковский с женой Эмилией Викентьевной Теляковской, Владислав Андреевич Чуриловский, Павел Демидович Семенышев и ссыльнопоселенка Анна Михайловна Подборная. А.А. Теляковский являлся подполковником пограничной стражи и был обвинен в шпионаже в пользу Австро-Венгрии. Остальные преступники были также осуждены по этому делу на 4 года каторги. Несмотря на поданные прошения о помиловании и пересмотре дела, они не были удовлетворены [20]. Так как сроки заключения были небольшими, то после применения законных сокращений срока эта группа освободилась уже в 1898-1899 гг.

Данные политические заключенные стали последними на Нерчинской каторге в XIX веке. В первые годы XX века в Акатуйскую тюрьму стали прибывать представители новой волны революционного движения в России — социалисты.

Таким образом, количество политических заключенных на Нерчинской каторге в 1890-х гг. было незначительным. Часть из них были народовольцами, отбывающими наказание по приговорам, вынесенным в 1880-х гг. Другую значительную часть состав-

ляли польские сепаратисты — члены «Союза польского народа». Режим для этой категории заключенных был довольно либеральным. Политические заключенные пользовались некоторыми льготами, предусмотренными для них законом. Кроме того, положительное отношение руководства Акатуйской тюрьмы позволяло политическим заключенным пользоваться привилегиями, не предусмотренными законодательством.

Библиографический список

1. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т.3. (1870-1900). — М.: Государственное издательство юридической литературы, 1961. — С. 290-329;
2. Мошкина З.В. Нерчинская политическая каторга. Вторая половина XIX века. — Чита: Изд-во ЗабГПУ им. Н.Г. Чернышевского, 1998. — 112 с.;
3. Мошкина З.В. Положение политзаключенных и условия их содержания на Нерчинской каторге во второй половине XIX века // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.): Сб. науч. ст. — Вып. 11. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 1989. — С. 19-30;
4. Государственный архив Читинской области (ГАЧО), ф.1п., оп.1, ед.хр.898, л.28-284;
5. Якутская трагедия 22 марта (3 апреля) 1889 г.: Сб. воспоминаний и материалов. — М.: Изд-во ВОПИС, 1925. — 224 с.;

6. ГАЧО, ф.1п., оп.1, ед.хр.897, л.42-44;
7. ГАЧО, ф.28, оп.1, ед.хр.26, л.9
8. Фрейфельд Л.В. В горах Акатуя. — М.: Изд-во ВОПИС, 1930. — С.25-30;
9. ГАЧО, ф.28, оп.1, ед.хр.16, л.161; ед.хр.23, л.259-260, 338;
10. De Windt G. The new Siberia. — London, 1896. — P. 263;
11. Ibid. — P. 267;
12. Ibid. — P. 265;
13. ГАЧО, ф.28, оп.1, ед.хр.16, л.110;
14. ГАЧО, ф.28, оп.1, ед.хр.16, л.111-114 об.;
15. Janik M. Dzieje polakow na Syberji. — Krakow, 1928. — P.424;
16. ГАЧО, ф.1п., оп.1, ед.хр.949, л.9-48об.;
17. ГАЧО, ф.1п., оп.1, ед.хр.964, л.26об.;
18. ГАЧО, ф.1п., оп.1, ед.хр.949, л.40;
19. ГАЧО, ф.1п., оп.1, ед.хр.965, л.1-10;
20. ГАЧО, ф.1п., оп.1, ед.хр.952, л.1-44;
21. ГАЧО, ф.1п., оп.1, ед.хр.979, л.2-7.

МЯСНИКОВ Дмитрий Александрович, аспирант кафедры отечественной истории и политологии Иркутского государственного университета.

Дата поступления статьи в редакцию: 18.02.2007 г.
© Мясников Д.А.

УДК 338.1: 63 (571.53)

О. Н. ДОНЧЕНКО

Филиал Федерального
государственного образовательного
учреждения высшего
профессионального образования
«Сибирский федеральный
университет», г. Усть-Илимск

СИБИРСКОЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ СЕМЕЙНОЕ ХОЗЯЙСТВО: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ В 1920-1930 гг.

В статье рассмотрены основные этапы социально-экономического развития сибирского крестьянского семейного хозяйства в 1920-1930-е гг., его переход от традиционно индивидуального хозяйствования, основанного на семейно-родовом производственном объединении, к коллективным формам производства. В работе отражена специфика социально-экономической дифференциации сибирского крестьянства на примере крестьян Иркутской губернии. Особое внимание уделено политическим формам и методам «борьбы» государства с единоличным крестьянством, которое к концу рассматриваемого периода было фактически уничтожено.

Проблема исторических судеб российского крестьянства в XX в., его эволюции и трансформации является одной из ключевых для понимания особенностей отечественной истории. Аграрная политика, проводимая большевиками в 1920-1930-е гг., кардинально изменила сложившиеся за века устои хозяйственной жизни сибирского крестьянства. В исторически минимальный срок была осуществлена

социальная революция, уничтожившая не только основы семейного крестьянского хозяйства, но и накопленный крестьянами за многие столетия хозяйственный опыт. В данной статье на примере крестьянства Иркутской губернии рассматриваются основные этапы и процессы социально-экономической эволюции крестьянского семейного хозяйства в 1920-30-е гг.

До XX века основным типом крестьянского хозяйства в Сибири являлось семейно-родовое производственное объединение. Основопологающим принципом традиционной сибирской крестьянской семьи являлось разделение труда и личный труд, независимо от пола и возраста. Земские статистики установили зависимость размеров посевной площади от численности крестьянского двора. Хозяйства с многочисленной семьей распахиwały и засева́ли больше земли, держали больше скота и, следовательно, получали в совокупности более высокие доходы.

Так, дворы, относимые одним из ведущих исследователей аграрной истории Сибири начала XX в. Л.М. Горюшкиным к бедняцким, состояли в среднем из 4,4 чел., к середняцким — из 6,3 чел., к кулацким — из 8,6 человек [1, с.134-136]. В среднем по Сибири численность сельской семьи определялась в 5,57 человек [2, с.71]. Средний состав сельской семьи в Иркутской губернии в 1917 г. составлял у русского старожилото населения 6,2 человека, у переселенцев — 5,7 человек, у бурят — 4,4 человека [3, с. 10]. К зажиточным можно было отнести 30,7% хозяйств губернии [4, с.55]. Несмотря на то что в Иркутской губернии в начале века наблюдался известный дефицит удобных для занятия сельским хозяйством территорий, на одного жителя в 1917 г. приходилось 2,3 га селхозугодий, 1 га пашни, 0,5 га сенокосов, в том числе 0,6 посевов, что даже при низкой продуктивности сельского хозяйства позволяло в основном обеспечивать население продуктами питания [5, с.4].

Начавшиеся в 1917 г. радикальные социально-экономические трансформации оказали свое негативное воздействие на аграрный сектор региона. Прежде всего, это проявилось в сокращении площади посевов и поголовья скота. Так, исследователь И.А. Черешных в 1925 г. указывал, что посевные площади, в целом по Сибири, в 1923 г., в сравнении с 1917 г., сократились на 30,8% [6, с. 46]. В Иркутской губернии, по расчетам современника событий экономиста К.Н. Миротворцева, к 1923 г. размеры посевной площади сократились на 30% [7, с.15]. Кроме объективных обстоятельств, аграрный кризис, в значительной мере, был обусловлен политикой «военного коммунизма». Хотя сибирский аграрный комплекс, в отличие от среднерусского, оказался более устойчивым и менее восприимчивым к послереволюционному кризису за счет большего количества средних и крепких крестьянских хозяйств.

Возрождению сельскохозяйственного производства и стабилизации положения семейного крестьянского хозяйства, способствовал новый экономический курс, провозглашенный X съездом РКП(б) в 1921 году. У крестьян появился стимул к расширению посевной площади, повышению производительности труда и товарности своего производства. В течение нескольких лет аграрный сектор развивался преимущественно за счет использования труда членов семьи.

В Сибири крестьянские хозяйства с посевом от 2 до 6 дес. были не рентабельны. По данным историка И.С. Степичева, в 1927 г. 12,5% хозяйств Иркутского округа и Усольского района засева́ли от 10 до 20 и свыше десятин земли, по стране эта цифра составляла 7,4% [8, с.7]. Это еще раз подтверждает то, что в губернии прослойка крепких крестьянских хозяйств была значительной. Восстановлению рыночных отношений способствовало узаконивание аренды земли. Это позволило сконцентрировать земли у наиболее старательных, хозяйственных крестьян, повысив эффективность отрасли в целом. В случае поддержа-

ки государством этой тенденции, выросла бы эффективность использования земли, ибо в советских доколлективизационных условиях она приобрела статус товара. Однако советское регулирование арендных отношений, сделав в 1925 году шаг навстречу, вскоре стало ее ограничивать. Власти, обосновавшие свое неприятие аренды заботой о бедняке и середняке, хотя именно середняк был больше всего заинтересован в стабилизации арендных отношений. В целом, благодаря удачному стечению обстоятельств, рыночной конъюнктуре и социально направленной политике советской власти по отношению к крестьянству, в Иркутской губернии шел процесс укрепления основной массы крестьянских хозяйств и смягчения имущественной дифференциации. В 1920-1925 гг. в губернии группа середняцких хозяйств выросла на 13,9% и достигла 61,2% от общего количества [9, с.158]. Наряду с количественным ростом, группа середняцких хозяйств резко увеличила посевную площадь и количество скота. В 1925 г. на долю середняцких и бедняцких хозяйств приходилось 85,5% посевной площади губернии. Так, в 1924 году 55,9% хозяйств Иркутской губернии имели по 2-3 лошади, 43,8% по 2-3 коровы [10, с.301]. Укрепление середняцких слоев было характерным для всей страны. XIV съезд партии в резолюции по отчету ЦК отмечал, что «середняцкие слои крестьянства чрезвычайно усилились» и что эти слои составляют теперь, «несмотря на процесс дифференциации, основную массу крестьянства» [11, с.78].

Следует отметить, что и в период нэпа принадлежность крестьянского хозяйства к той или иной имущественной группе была по-прежнему взаимосвязана с размерами и составом семьи. Так, согласно материалам гнездовой динамической переписи 1927 г. по Сибирскому краю, дворы без средств производства состояли из 2,7 чел., со средствами производства стоимостью до 100 руб. — из 3,7 чел., от 101 до 200 руб. — из 4,2 чел., от 201 до 400 руб. — из 4,9 чел., от 401 до 800 руб. — из 5,8 чел., от 801 до 1600 руб. — из 6,7 чел., со стоимостью средств производства свыше 1600 руб. — из 8,1 человек [12, с.227].

Государственное регулирование сельской экономики претерпевало известные волнообразные изменения. В 1920-е гг., вместо прямого, голого административного насилия времен «военного коммунизма», проводилась налоговая и ценовая политика. Однако в налоговой политике основными оставались не хозяйственные, а прежние социально-классовые приоритеты. Так, уже в начале нэпа советские органы пытались найти «кулака» и взвалить на него большую тяжесть налога. В Сибири в 1924-1925 гг. на одно бедняцкое хозяйство приходилось 5,5 руб. налога, середняцкое — 32,5 руб., кулацкое — 92,8 рублей [13, с.183]. В Иркутской губернии в 1925/26 хозяйственном году размер сельскохозяйственного налога на «кулаков» был в 17,5 раза больше, чем на бедняков [14, с.115]. Подобная перестройка с введением налогов не стимулировала сельское хозяйство региона, а наоборот усиливала стремление обойти подобный налог путем формального дробления крестьянских хозяйств.

К концу 1920-х гг. крупные крестьянские хозяйства являлись главными поставщиками товарной сельхозпродукции. Именно они выплачивали преобладающую часть налогов, создавали материальную базу для индустриализации и формировали емкий рынок для советского машиностроения и промышленности. О степени эффективности разных форм крестьянских хозяйств в Иркутской губернии свидетельствуют

ют результаты заготовительной компании 1929 года. Середняцкие и зажиточные хозяйства дали по 40% товарного хлеба, а бедняцкие и коллективные хозяйства — по 10% [15, с.142-145]. Но именно крупные зажиточные хозяйства и были ликвидированы в процессе коллективизации.

Внедрение коллективистской идеологии и развитие товарных отношений в Сибири создавали благоприятные условия для кооперирования местного крестьянства. В Иркутской губернии первые кооперативные объединения — коммуну — начали организовываться в 1918 г., тогда было образовано 17 хозяйств. По данным Сибирского земельного отдела, в октябре 1920 г. в губернии функционировало 46 коллективных хозяйств, из них — 30 коммун [16, с.128]. В основном, в коммуну шли крестьяне-бедняки, из них значительную долю составляли крестьяне-переселенцы, прибывшие из центральных губерний России. Коммуну не пользовались популярностью у крепких крестьян; другое дело — общества крестьянской кооперации, они получили наиболее широкое распространение. В 1925 году в Иркутской губернии имелось 152 потребительских общества, охватывающих 55,5% крестьянских хозяйств, и 142 сельскохозяйственных кооператива, в том числе 20 колхозов, 45 машинных товариществ и 70 кредитных кооперативов [17, с.56]. К середине 1920-х гг. разными формами сельскохозяйственной кооперации было охвачено не менее одной трети крестьянских хозяйств губернии. Причина активного распространения крестьянской кооперации, на взгляд автора, состоит в том, что она не покушалась на традиционную форму крестьянского хозяйства, не нарушала самостоятельности семейного крестьянского хозяйства, объединяя небольшие коллективы. Но для повсеместного распространения кооперативных объединений требовались значительное время и серьезная государственная помощь, на которую производитель в 1920-е гг. надеяться не мог. Свои действия он определял интересами рынка и себестоимостью продукции, полностью соизмеряя их с критическими параметрами природно-климатических условий, вынужденно придерживаясь принципа адаптивности производства, что, в конечном счете, и обеспечивало высокую эффективность хозяйствования. Конец десятилетия был во многом предельным для существовавшего тогда экстенсивного способа аграрного освоения. Неизбежен был переход к интенсификации сельского хозяйства на основе рыночных отношений, с привлечением в него значительных средств. Это однозначно привело бы к укреплению позиций зажиточного единоличного крестьянства.

В конце 1920-х годов со стороны государства принимаются меры по усилению коллективизации и ограничению индивидуального хозяйствования. Накануне коллективизации (1928 г.) в стране было 25 млн единоличных крестьянских хозяйств, которые обрабатывали 97,3% посевных площадей, имели 90% всех средств производства. Причем, лишь каждое пятое хозяйство пользовалось наемным трудом, используя, в основном, труд членов семьи. В Восточной Сибири к концу 1920-х гг. насчитывалось 65% середняков, 5% кулаков, 30% бедняков [18, с.80]. Но структура крестьянства, характеризовавшаяся преобладанием индивидуального хозяйства, не удовлетворяла большевиков. Ещё в 1919 г. в «Положении о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию», изданному ВЦИК 14 февраля 1919 г. говорилось: «...на все виды единоличного землепользования следует смотреть как на переходящие и отживающие» [19, с.197].

Решения XV съезда ВКП(б), прошедшего в конце 1927 г., стали началом конца существования в стране индивидуальных форм хозяйствования. Съезд объявил магистральным путем развития сельского хозяйства переход к производственной кооперации крестьянства. Учитывая ментальность крестьян, «на постепенный переход» потребовалось бы как минимум 25-35 лет. Это не устраивало фактически захватившую власть группу «левых» коммунистов во главе со И.В. Сталиным. Уже XVI партконференция в апреле 1929 года продемонстрировала изменение позиции в сторону ускорения темпов процесса коллективизации. Политическое решение о возможности осуществления коллективизации в течение нескольких лет было принято в ноябре 1929 г. Пленумом ЦК ВКП(б). Немаловажную роль в этом сыграл экономический кризис 1927-1928 годов. На 1 января 1928 г. было заготовлено хлеба на 128 млн. пудов меньше, чем в предыдущем году (300 млн. пудов вместо 428). Главная причина кризиса состояла в том, что крестьяне отказывались продавать зерно государству по низким закупочным ценам. Однако вместо разрешения проблем при помощи механизма рыночных отношений Политбюро ЦК ВКП(б) решило прибегнуть к методам внеэкономического воздействия на крестьян. Ужесточение политики в отношении деревни прикрывалось лозунгом об обострении классовой борьбы. И.В. Сталин утверждал, что в «кулацких хозяйствах имеются хлебные излишки по 50-60 тыс. пудов на каждое хозяйство, не считая семян» [20, с.102]. Он потребовал конфисковать хлебные излишки у «кулаков» в пользу государства.

Ударом по индивидуальным крестьянским хозяйствам стала сформулированная Сталиным задача-лозунг — ликвидировать кулачество как класс». Как известно, к разряду «кулацких» в Сибири можно было отнести больше половины крестьянских хозяйств. Термин «кулак» в Сибири, в значительной мере, вообще был лишен смысла. Формально борьба была направлена только на «кулаков». Но грань между сибирским середняком и «кулаком» была так условна, что репрессии повсеместно задевали основную массу крестьянства. В отчете о работе Иркутского Губернского Земельного управления за I квартал 1924 г. указывалось на невозможность определения крестьян к той или иной социальной группе «ввиду условности самого понятия «кулак», «середняк» [21, с.4].

Нажим на зажиточные хозяйства со стороны государства: чрезвычайные меры при хлебозаготовках, конфискация хлебных запасов и части средств производства, прекращение кредитования, усиление налогового пресса — привели к тому, что в 1927-1929 гг. количество хозяйств «кулацкого» типа резко сократилось. Специфическим явлением этого периода стало более интенсивное, чем до революции, дробление крестьянских дворохозяйств, так как большие сибирские крестьянские семьи являлись и более зажиточными. Если в 1917 г. средняя сибирская семья состояла из 6 человек, то в 1929 г. в территориальных рамках Восточно-Сибирского края она состояла из 5,46 человек, в 1930 г. из 5,13 чел. [22, с.227,231]. Государство фактически сознательно разорвало единоличное товарное хозяйство и ставило крестьян перед выбором: или дальнейшая деградация хозяйства или радикальное изменение жизни. Как результат, во второй половине 1929 г. значительная часть зажиточных крестьянских хозяйств самоликвидировалась. Крестьяне, опасаясь репрессий, распродал или уничтожили свое имущество и бежали из села. С конца 1929 г. по весну 1930 г. было ликвидировано более половины единоличных сибирских крестьянских

хозяйств. Окончательное принятие курса на форсированную коллективизацию зафиксировано в Постановлении ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», определившим крайние сроки ее завершения весной 1932 г. [23, с.664].

В Иркутской губернии массовое колхозное строительство началось в 1928 г., а уже к 1932 г. большая часть посевов и скота находилась в составе коллективных хозяйств, что принципиально изменило ситуацию в аграрном секторе региона. С 1932 по 1933 г. количество индивидуальных хозяйств в губернии сократилось на 8,78 тыс. дворов, составив в начале 1932 г. 56,61 тыс., а к концу 1933 года 47,83 тыс. хозяйств [24, с.54-55]. В целом, по Сибири к концу 1932 года насчитывалось 649,9 тыс. единоличных крестьянских хозяйств, или 40,4% от общего числа сельских дворов. Результатом «большевистского натиска» стало резкое падение производительных сил сельскохозяйственного производства, особенно ошутимое в животноводстве. поголовье крупного рогатого скота в Сибири сократилось с 16,8 до 13,4%, рабочих лошадей — с 19,3 до 16,3%, овец и коз — с 23,5% до 13,3%, свиней — с 13,6 до 12% [25, с.115].

С тем, чтобы окончательно не уничтожить аграрный сектор экономики, власти скорректировали свою политику по отношению к деревне. Насильственные методы коллективизации были официально дезавуированы. Крестьяне в массовом порядке стали выходить из колхозов. К лету 1930 г. в колхозах Иркутской губернии осталось около 20% крестьянских хозяйств [26, 145]. Но восстановить прежние размеры своих хозяйств бывшим колхозникам уже не удалось. Отступление режима имело тактический характер. Отказавшись от одномоментного штурма, власти приступили к планомерной, но относительно скоротечной осаде единоличной деревни.

Несмотря на бедственное положение большинства единоличников, их небольшое количество и совершенно ничтожный вес в сельскохозяйственном производстве, давление на них со стороны большевистского режима в конце 1930-х гг. еще больше усилилось. Начатое осенью 1934 г. увеличение налогового обложения единоличников привело к сокращению числа таких хозяйств до 33,7% (546,3 тыс. дворов), в 1935 г. их доля сократилась до 18,3%, в 1936 г. до 9,0%, а в 1937 г. до 6,9% [27, с.319, 346, 347, 361].

Еще более усилили налоговый пресс на единоличное хозяйство принятые в апреле 1938 г. постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О налогах и других обязательствах в отношении единоличных хозяйств», введение в августе 1938 г. закона «О государственном налоге на лошадей единоличных хозяйств» и в сентябре 1939 г. закона о сельскохозяйственном налоге [28, с.141]. Единоличники, не уплатившие налоги, привлекались к суду.

Утвержденное майским (1939 г.) Пленумом ЦК постановление «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» потребовало до 15 августа 1939 г. произвести обмер всех приусадебных участков и до 15 ноября отрезать все «излишки» сверх установленных норм. В Иркутской области были установлены «излишки» земли, находящиеся в личном пользовании колхозников, в размере 3 952 га, в пользовании единоличников — 877 га и в пользовании рабочих и служащих — 2 414 га, а всего - 7 243 га. По Заларинскому району таких излишков обнаружено 538 га, по Боханскому — 639 га, по Зиминскому — 948 га, по Тулунскому — 966 га [29, с.175]. Указанные меры привели к дальнейшему сокращению

количества единоличных дворов. По переписи населения 1939 г., доля единоличников в сельском населении Восточной Сибири составила 1,1% [30, с.105].

В результате «варварской» политики государства, целиком и полностью направленной на уничтожение крестьянства как социальной группы, к началу 1940-х гг. семейное крестьянское хозяйство в том виде, в котором оно существовало в Сибири со времени начала российской аграрной колонизации, было фактически уничтожено.

Библиографический список

1. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900—1917 гг.) / Л.М.Горюшкин. - Новосибирск, 1976.
2. Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Иркутской области: в 3 т. / М.А.Винокуров, А.П.Суходолов. - Иркутск, 1998. — Т.1.
3. Миротворцев К.Н. Сельское хозяйство в Иркутской губернии. Краткий географический и статистико-экономический очерк. Материалы Иркутского Губстатбюро. Вып.14./К.Н.Миротворцев - Иркутск, 1923.
4. Степичев И.С. Сельское хозяйство Иркутской области за 40 лет. / И.С.Степичев, М.К. Гаврилов, А.А. Смирнов. - Иркутское кн. изд-во, 1957.
5. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Фонд Р-42, опись 1, дело 735, л. 4.
6. Черешных И.А. Современное состояние сельского хозяйства в Сибири / И.А. Черешных // Северная Азия - 1925. - Кн.1-2.
7. Миротворцев К.Н. Указ. соч.
8. Степичев И.С. Осуществление ленинской программы строительства социализма в Восточной Сибири / И.С.Степичев - Иркутск, 1971.
9. Иркутская область. Экономико-статистический справочник. ОГИЗ. Иркутское областное изд-во. - Иркутск, 1941.
10. ГАИО. Фонд Р-218, опись 1, дело 54, л.55.
11. КПСС в резолюциях решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. II, изд. 7.- М., 1954.
12. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство / В.П.Данилов - М., 1977.
13. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири в 1917-1961 гг./Под ред. Бушуева В.М., Сницаренко А.А. - Новосибирск: Наука, 1965.
14. Зуляр Ю.А. История сельскохозяйственного освоения и страхования агропромышленного производства Байкальской Сибири в XX столетии / Ю.А. Зуляр, Д.Б. Худаков — Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2005.
15. Карлов С.А. Развитие индивидуального и коллективного хозяйства в аграрном секторе экономики Восточной Сибири в годы нэпа // Дуловские чтения: материалы региональной научно-практической конференции, посвященной В.И. Дулову, окт. 1997 г. — Иркутск.: ИГПУ, 1998.
16. Зуляр Ю.А., Худаков Д.Б. Указ. соч.
17. Выборов М.М. Регулирование социально-экономических отношений в Сибирской деревне в восстановительный период // Крестьянство и сельское хозяйство Сибири в 1917-1961 гг. — Новосибирск: Наука, 1965.
18. Баландин Ю.С. Крестьянское хозяйство / Ю.С.Баландин - М.: Агропромиздат, 1992.
19. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. - М., 1972. — Т.1.; ГАИО, фонд р-46, опись 1, дело 2, л. 17.
20. Косачев В.Г. Накануне коллективизации. Поездка И.В. Сталина в Сибирь // Вопросы истории. - 1998. - №5.
21. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО), фонд 1, опись 1, дело 1866, л.12.
22. Гуцин Н.Я. Классовая борьба в сибирской деревне (1920-е — середина 1930-х гг.) / Н.Я.Гуцин, В.А.Ильиных — Новосибирск, 1987.

23. КПСС в резолюциях... ч. II, М., 1954.
24. Сельское хозяйство Восточно-Сибирского края за 1932 и 1933 гг. ОГИЗ. Москва-Иркутск, 1934.
25. Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926—1937 гг.) / Н.Я. Гуцин - Новосибирск, 1973.
26. Шерстобоев В.Н. Развитие сельского хозяйства Иркутской области // Иркут. обл. экон.-стат. справ. / В.Н. Шерстобоев — Иркутск, 1941.
27. Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму...
28. Хрестоматия по истории КПСС: пособие для вузов / Сост. В.Н. Донченко, А.С. Леонова - М.: Политиздат, 1989. - Т. 2. 1925-март 1985 г.

29. Иркутская область. Экономико-статистический справочник. ОГИЗ. Иркут. обл. издание - Иркутск, 1941.

30. Мелентьева А.П., Приходько Л.Н. Влияние коллективизации на уровень жизни сельского населения Сибири (вторая половина 1930-х гг.) // Развитие форм социалистической собственности в сибирской деревне: исторический опыт и современность. - Новосибирск, 1991.

ДОНЧЕНКО Оксана Николаевна, старший преподаватель кафедры общественных дисциплин.

Дата поступления статьи в редакцию: 19.01.2007 г.

© Донченко О.Н.

УДК 378.635(5-012):947.084.8

Н. В. ФОМИНА

Хабаровский пограничный институт
Федеральной службы безопасности
Российской Федерации

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 ГГ.)

Автор раскрывает вопросы подготовки офицерского состава в военных вузах Дальнего Востока в военное время.

Создание новых воинских формирований, а также значительные потери офицеров в боях на первом этапе Великой Отечественной войны исключительно остро поставили вопрос о подготовке военных кадров. Требовалось в кратчайшие сроки дать фронту сотни тысяч командиров и политработников [2, с. 144].

С первых дней войны основные потребности армии и флота в кадрах начальствующего состава удовлетворялись за счет призыва командиров, политработников и других военных специалистов из запаса. Однако это не могло полностью удовлетворить потребности действующей армии. Пришлось прибегнуть к досрочному выпуску слушателей и курсантов старших курсов военных академий, училищ и военных факультетов гражданских учебных заведений [2, с. 145]. Кроме того, ускоренные курсы по подготовке командного состава уже в начале 1941 г. смогли выпустить тысячи офицеров.

На Дальнем Востоке страны в этот период большинство военно-учебных заведений формировались на базе воинских частей, а также курсов по подготовке, переподготовке и усовершенствованию командных кадров. Необходимо также отметить, что к июню 1941 г. на территории Дальневосточного региона уже действовали 3 военных училища и одна военно-авиационная школа. А с началом войны в связи с передислокацией вузов из центральных и западных регионов страны некоторые из дальневосточных учебных учреждений были пополнены их личным

составом и материальной базой. Командные кадры в годы войны готовили военные училища во Владивостоке, Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре, пос. Шкотово Хабаровского края и школа в пос. Вознесенск Приморского края.

В военно-учебных заведениях были установлены сокращенные сроки обучения. Период учебы составлял от 4 до 10 месяцев в зависимости от специфики подготовки. Для всего личного состава вузов вводился 12-часовой рабочий день. Уменьшилось количество изучаемых дисциплин, учебные программы были переработаны в целях подготовки специалиста узкого профиля [1, с. 64]. За годы войны штат училищ неоднократно обновлялся, изменялась также их организационная структура.

С началом войны большинство военно-морских училищ, расположенных в западной части страны, оказалось в зоне боевых действий. Поэтому Тихоокеанское высшее военно-морское училище (далее ТОВВМУ) стало играть особую роль в подготовке кадров для ВМФ [3, с. 80]. Уже в июне 1941 г. Тихоокеанское высшее военно-морское училище совершило первый досрочный выпуск офицеров флота. Досрочный выпуск курсантов 4 курса был произведен без экзаменов с присвоением им офицерских званий. В то же время была осуществлена отправка на фронт части курсантов младших курсов и офицеров постоянного состава вуза [3, с. 79].

Война обусловила возросшую интенсивность обучения курсантов. Они улучшали свои навыки в

разборке и сборке пулемета, гранатометании, методике штыкового боя. Воскресные дни проводили на стрельбище. Поскольку боевые действия в период Великой Отечественной войны проходили в основном не на морском театре военных действий, курсантов военно-морского училища готовили также и по программе подготовки офицеров для Сухопутных войск. Уже с октября 1941 г. училище приступило к 200-часовой программе военно-сухопутной подготовки. А морская подготовка стала проводиться в сокращенном варианте. Лекции и практические занятия проводили преподаватели военно-пехотного училища. В училище были созданы кабинеты сухопутной подготовки и стрелкового оружия, которые оборудовали чертежами, схемами, снабдили пулеметами, минометами и полевыми орудиями.

В кратчайшие сроки курсанты овладевали основами ведения боя на суше, командования стрелковыми подразделениями и взводами в полевых условиях. Так, в октябре 1941 г. были проведены учения по борьбе с танками. Большинство курсантов умело метали гранаты и бутылки с горючей смесью, успешно вели огонь по смотровым щелям танков. Вся 200-часовая программа была успешно отработана за 20 дней. В ноябре 1941 г. училище досрочно окончили без государственных экзаменов курсанты 4-го курса, которым было присвоено звание "лейтенант". Выпуск составил 202 чел., большинство из которых было отправлено в распоряжение командующего Сибирским военным округом. Однако фронту нужны были новые кадры, поэтому в соответствии с полученным указанием в начале 1942 г. часть курсантов 2-го курса с присвоением им звания "главный старшина", и курсантов 1-го курса в звании "старшина 1-й статьи" были направлены на передовую [6, с. 113].

Наряду с основной задачей по подготовке офицеров флота училище проводило сборы снайперов и истребителей танков, обучение команд основных и дополнительных дегазационных отделений и групп самозащиты. Большое внимание отводилось и полевой подготовке.

В то же время, учебно-воспитательный процесс в училище в военные годы обеспечивал высокую подготовку и флотских специалистов. Так с 1942 г. курсанты — выпускники после сдачи государственных экзаменов проходили 2-месячную подготовку по специальности штурманов кораблей и подводных лодок, артиллеристов, минеров надводных кораблей, минеров подводных лодок, связистов, командиров торпедных катеров и их помощников. А с сентября 1943 г. в ТОВВМУ были организованы курсы связи для подготовки специалистов для всех флотов, с 1944 г. открыты курсы для командиров катеров Тихоокеанского флота [4, с. 79]. В целом за годы войны до 9 мая 1945 г. ТОВВМУ выпустило 951 офицера.

Не менее интересна история Владивостокского военно-пехотного училища. Основанием для этого учебного заведения послужила 24 пехотная школа, которая находилась в г. Омске. В декабре 1922 г. она была переведена в г. Владивосток, где в начале 1923 г. начала подготовку командных кадров для РККА. В октябре 1923 г. данное учебное заведение получило наименование «24 пехотная Владивостокская имени III Коммунистического интернационала школа командного состава» [8, л. 128]. В начале 1940 г. школа была преобразована во Владивостокское военно-пехотное училище [9, л. 2]. С марта 1942 г. училище было вновь реорганизовано и получило наименование «1-е Владивостокское военно-пехотное училище» [9, л. 2]. В вузе осуществлялась подготовка командиров пехотных взводов.

В начале 1941 г. учебное заведение было проверено инспекцией вузов Дальневосточного фронта под председательством полковника А.В. Забалуева. Вывод, который сделала комиссия о деятельности учебного заведения, значительно отличался от выводов еще довоенной проверки. В акте было отмечено, что командование, начальствующий состав и весь коллектив училища проделали большую работу по устранению ранее указанных недостатков и добились положительной оценки по боевой и политической подготовке [9, л. 8].

Процесс обучения курсантов в годы войны имел свои особенности. Так, в июле 1941 г. из курсантов был создан учебный батальон численностью 500 чел. с месячным сроком обучения, который затем был отправлен на Западный фронт.

В начале октября 1941 г. на основании директивы организационно-мобилизационного отделения штаба Дальневосточного фронта училище было реорганизовано и перешло на четырех батальонную систему с общим числом курсантов в 2 тыс. чел. В то же время, учитывая острую потребность в командных кадрах на фронтах уже в конце октября 1941 г. училище перешло на новые штаты с целью увеличения выпуска пулеметчиков и минометчиков из расчета подготовки стрелков — 50%, пулеметчиков — 30%, минометчиков — 20%. Число обучающихся курсантов увеличилось до 2250 чел. [9, л. 3]. Первые выпуски командиров взводов состоялись в 1941 г.: 10 июня (было выпущено 790 чел.), 19 августа (788 чел.), 16 декабря (135 чел.). Молодые командиры были обучены в соответствии с планом ускоренной подготовки командного состава [9, л. 8].

В целях повышения квалификации командного состава войск Дальневосточного фронта в декабре 1941 г. при училище были созданы двухмесячные курсы усовершенствования командиров пехоты, на которых имели возможность обучаться одновременно 200 чел. Курсы осуществляли подготовку слушателей, которые в дальнейшем занимали вакантные должности командиров рот и взводов [9, л. 3].

В первые два года Великой Отечественной войны училищем было произведено несколько выпусков лейтенантов подготовленных по ускоренной программе. При этом только в 1942 г. их было двенадцать [9, л. 8]. Всего же за период 1941 - 1945 гг. в военно-учебном заведении было подготовлено более 6 тыс. офицеров.

До 1944 г. большинство выпускников училища направлялись непосредственно на фронт, где они становились участниками боевых действий. А с начала 1944 г. молодые офицеры Владивостокского военно-пехотного училища стали получать назначение в войска Дальневосточных военных и пограничных округов. Так, в мае 1944 г. из числа окончивших училище 90 чел. было направлено в распоряжение командира 35-го отдельного полка резерва офицерского состава в г. Комсомольске-на-Амуре, 85 чел. - в распоряжение начальника Пограничных войск Приморского Округа г. Владивосток и 45 чел. - в распоряжение начальника управления Краснознаменных Пограничных войск Хабаровского Округа г. Биробиджан [10, л. 80].

Хабаровское стрелково-пулеметное училище было сформировано 21 марта 1940 г. Но уже в декабре 1940 г. училище перешло на новые штаты и частично изменило специфику подготовки курсантов в соответствии с полученной директивой из УВУЗ Наркомата обороны СССР. После проведения организационно-штатных мероприятий училище получило новое наименование — Хабаровское военно-пехотное училище [12, л. 1].

Личный состав военно-пехотного училища работал на Хабаровском укрепленном рубеже. Курсанты

вуза неоднократно принимали участие в тактических учениях частей Хабаровского гарнизона, в гарнизонном учении по противовоздушной обороне г. Хабаровска, а также на маневрах в составе 15-й Армии [12, л. 5, 6].

Важно отметить тот факт, что личный состав училища в годы войны систематически откомандировывался на укомплектование фронтовых воинских частей, так и не закончив обучение. Так, в марте 1942 г. 1 тыс. курсантов пополнила ряды 25-й Армии. 30 января 1943 г. 500 чел. убыли в распоряжение командующего войск Московского военного округа. В феврале 1943 г. 350 чел. были направлены на укомплектование соединений резерва Ставки Верховного Главнокомандующего [12, л. 5, 6]. Изучение документов показывает, что большая часть личного состава этого училища в годы войны выбыла из списков училища на фронт, так и не закончив обучение. Руководству вуза приходилось набирать новый контингент обучаемых и начинать работу с начала. Такое положение дел требовало от преподавательского состава огромных усилий и самоотдачи в деле подготовки офицеров.

Следует также заметить, что важным направлением деятельности этого училища было обучение офицеров запаса. В списках училища они значились как офицеры-слушатели. Данная категория обучаемых практически наравне с курсантами посещала занятия, а затем сдавала зачеты и экзамены по определенным дисциплинам. За годы войны училище сделало несколько выпусков офицеров запаса. В частности, в январе 1943 г. было подготовлено 116 чел. (стрелков - 30 чел., пулеметчиков - 59 и минометчиков - 27). В апреле 1944 г. из училища выпустился 61 слушатель [12, л. 6, 7].

Комсомольское-на-Амуре военно-пехотное училище было сформировано 12 августа 1941 г. В октябре 1941 г. было переименовано во 2-е Владивостокское пехотное училище. А в апреле 1943 г. после вновь проведенной реорганизации получило название Владивостокское военное пулеметное училище. На протяжении своей деятельности (с 12 августа 1941 г. по 31 декабря 1945 г.) училище дислоцировалось в г. Комсомольске-на-Амуре [11, л. 3].

С 1 февраля 1942 г. училище перешло на 9-часовой рабочий день плановых занятий и 3 часа самоподготовки [12, л. 5]. Более половины учебного времени отводилось на тактическую подготовку курсантов. Расположение учебного заведения позволяло стабильно закреплять полученный теоретический материал в полевых условиях в соответствии с учебным планом. Курсанты отрабатывали на местности тактические действия войск, а также выполняли упражнения с боевой стрельбой. Для более глубокого овладения основами общевойскового боя личный состав училища привлекался на проводимые учения и маневры войск Дальневосточного фронта.

С 1943 г. изменился состав курсантов. Если в начале войны в военно-учебные заведения поступала в основном гражданская молодежь, то с 1943 г. контингент обучаемых изменился. Теперь сержанты и солдаты - фронтовики, имевшие боевой опыт становились курсантами, получая теоретическую подготовку в стенах вуза [4, с. 96].

8 октября 1943 г. Государственный комитет обороны (ГКО) принял постановление «О реорганизации сухопутных училищ», на основании которого вузы были укрупнены, сроки обучения курсантов увеличены [2, с. 167]. Перевод учебных заведений на более длительный срок подготовки был обусловлен тем, что на фронтах стала очевидной победа Советской Армии после коренного перелома в ходе Вели-

кой Отечественной войны. В Генеральном штабе и академиях были пересмотрены руководства и методические пособия для военно-учебных заведений. С учетом полученного опыта ведения военных действий были внесены изменения в планы занятий, а также в методические разработки по обучению войск и командного состава. Основное внимание уделялось тактическим действиям подразделений в наступлении, а также взаимодействию пехоты с другими родами войск. Разработка нового вооружения, которое постепенно поступало на передовую, требовало хорошо обученных командиров и военных техников.

Так, Дальневосточное артиллерийское училище было сформировано 4 ноября 1941 г. на базе артиллерийских курсов командного состава Дальневосточного фронта, школы артиллерийско-инструментальной разведки и фронтового артиллерийского полка. Первоначально, с 4 ноября 1941 г. училище дислоцировалось в г. Ворошилов-Уссурийске на базе Барановского артиллерийского полигона [18, л. 3], но с 15 июля 1942 г. было размещено в г. Хабаровске.

На территории Дальнего Востока это было единственное училище, которое готовило офицеров-артиллеристов. С началом Великой Отечественной войны училище было переведено на сокращенный срок обучения курсантов, тем не менее с учетом его специфики период учебы составлял 8 месяцев [19, л. 1].

В училище также существовали курсы по подготовке и переподготовке офицерского состава, функционировала школа младшего командного состава [18, л. 28-29]. Курсы по переподготовке командного состава артиллерии фронта со сроком обучения 3 месяца были открыты 1 ноября 1942 г. Однако ввиду складывающейся обстановки на фронтах командные кадры готовились в более сокращенные сроки. Зачастую период переподготовки офицеров составлял менее 3 месяцев.

Сокращение сроков обучения влекло за собой существенные изменения в работе военно-учебного заведения: уменьшалось количество изучаемых дисциплин, учебные программы перерабатывались применительно к подготовке специалистов узкого профиля. Все эти мероприятия способствовали созданию условий для более быстрой подготовки офицерского состава, постоянно требовавшегося для укомплектования вновь создававшихся войсковых формирований и восполнения боевых потерь [2, с. 154].

Командный и преподавательский состав старался составить учебный план так, чтобы курсанты и слушатели имели большую возможность для практической отработки основных вопросов применения артиллерии. В июле 1943 г. состоялось открытие военного лагеря «Осиновая речка», который имел учебные пособия, наглядный материал и мишени для обучения стрельбе. Важно отметить тот факт, что командный состав наравне со слушателями и курсантами участвовал в отработке упражнений с боевой стрельбой, совершенствуя свой профессиональный уровень [17, л. 22].

В середине 1943 г. в соответствии с постановлением ГКО «О реорганизации сухопутных училищ» срок подготовки слушателей и курсантов в Дальневосточном артиллерийском училище был увеличен. С этого времени около 50% курсантов, окончивших вуз, направлялось в распоряжение командующих артиллерией разных фронтов, а другая половина выпускников оставалась в пределах Дальневосточного фронта. А в 1945 г. практически все выпускники училища были оставлены в распоряжении командующего Дальневосточного фронта (табл. 1).

Хабаровское пулеметно-минометное училище было сформировано 27 февраля 1942 г. В начале июля

Таблица 1

Распределение выпускников Дальневосточного артиллерийского училища

№ п/п	1943 г.	1944 г.	1945 г.
1.	Центральный фронт – 84 чел.	1-й Белорусский фронт – 60 чел.	Все выпускники были назначены на должности командиров взводов в части и соединения Дальневосточного фронта: - 587 чел.
2.	Северо-Кавказский фронт – 40 чел.	1-й Прибалтийский фронт – 30 чел.	
3.	Южный фронт – 70 чел.	2-й Прибалтийский фронт – 30 чел.	
4.	Сталинградский военный округ – 60 чел.	3-й Прибалтийский фронт – 80 чел.	
5.	Московский военный округ – 87 чел.		
6.	Дальневосточный фронт – 331 чел.	Дальневосточный фронт – 249 чел.	

Таблица 2

Распределение выпускников 1942-1945 гг. Шкотовского военно-пехотного училища

№ п/п	Место откомандирования	Количество офицеров (чел.)
1.	Дальневосточный фронт	1435
2.	Сибирский военный округ	451
3.	Северо-западный фронт	200
4.	Сталинградский фронт	170
5.	Юго-Западный фронт	273
6.	Северо-Кавказский фронт	72
7.	2-й Прибалтийский фронт	153
8.	Белорусский военный округ	50
9.	Орловский военный округ	186
10.	Главное управление кадров НКО	200
Итого:		3 190

Таблица 3

Статистика офицеров выпущенных из военно-учебных заведений Дальнего Востока в годы войны

№ п/п	Наименование училища / год	Подготовлено офицеров (чел.)					
		1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	итого
1.	Хабаровское воен.-пех. уч.-ще	1643		442	586	222	3993
2.	2-е Хабаровское воен.-пех. Уч.-ще	-	298	506	704	98	1606
3.	Владивостокское воен.пех. уч.-ще 1-е	1713	2289	1784	624	381	6791
4.	Шкотовское воен.-пех. уч.-ще	-	2158	178	747	107	3190
5.	Дальневост. артиллерийск. уч.-ще	-	-	1218	449	587	2254
6.	Вознесенская воен.-авиаци. школа	238	273	238	312	87	1148
7.	Комсомольское (2-е Влад.-кое) Воен.-пех. уч.	Нет данных					
	ИТОГО	3594	5018	4366	3422	1482	17882

1943 г. оно получило новое название — Хабаровское стрелково-минометное училище. А в апреле 1945 г. вновь было переименовано, став 2-м Хабаровским военно-пехотным училищем, существовавшим до 15 ноября 1945 г. [14, л. 13].

Вуз приступил к плановым занятиям с 16 марта 1942 г. по 4 и 6-месячной программе подготовки младшего офицерского состава пехотных училищ РККА [14, л. 4]. Однако в декабре 1942 г. в соответствии с директивой, полученной от начальника Управления вузов, срок подготовки курсантов, обучавшихся по 6-месячной программе был увеличен до 9 месяцев [14, л. 4]. В новом учебном плане были добавлены часы по тактической и огневой подготовке. С 1943 г. в училище для приема выпускных испытаний стали назначаться подкомиссии по политической подготовке, тактике, огневой и строевой подготовке, топографии и химическому делу [13, л. 37].

С 1944 г. курсанты Хабаровского пулеметно-минометного училища стали в обязательном порядке проходить месячную стажировку в частях и соединениях,

дислоцировавшихся на Дальнем Востоке [14, л. 4].

Другое военно-учебное заведение — Шкотовское военно-пехотное училище было сформировано 2 января 1942 г. в пос. Шкотово Хабаровского края [15, л. 2].

В конце января 1942 г. в училище прибыл первый контингент курсантов в количестве 1 705 чел. [15, л. 40]. Необходимо отметить, что прибывшие, уже имели практический опыт обучения. До момента прибытия в вуз часть курсантов прошла курсы младших лейтенантов, а другие имели за плечами подготовку полковых школ младшего начальствующего состава [15, л. 2].

К марту 1943 г. контингент курсантов составил 5 172 чел. Его основную часть представлял младший начсостав, слушатели курсов младших лейтенантов, а также рядовой состав линейных подразделений, прослуживший в РККА более одного года. Это позволило подготовить из них средних командиров по ускоренной программе в сжатые сроки [15, л. 6].

Следует отметить, что руководству училища приходилось несколько раз уменьшать штат курсантов вуза. В 1942-1943 гг. было отправлено на укомплекто-

вание курсантской бригады — 1 076 чел., в 202 воздушно-десантную бригаду — 144 чел., в Хабаровское пехотное училище — 492 чел., в части резерва главного командования — 601 чел., в запасные полки — 321 чел. [15, л. 7].

За период существования вуза, с января 1942 г. по май 1945 г., училище произвело 14 выпусков, из них: 4 — по ускоренному плану; 6 — по шестимесячной программе; 4 — по плану годовой подготовки. Аттестат об окончании училища получили 3 190 чел. Среди выпускников было 11 капитанов, 59 старших лейтенантов, 2 169 лейтенантов, 951 младший лейтенант, а места их назначения охватывали практически все военные округа или фронты (см. табл. 2).

Офицерские кадры для ВВС РККА готовила Вознесенская военно-авиационная школа пилотов. Во время Великой Отечественной войны военно-авиационная школа располагалась в районе станции Магдагачи Тыгдинского района Читинской области [20, л. 1].

Теоретическая подготовка курсантов была крайне затруднена. Классы, которые имелись в наличии, использовались и как учебные помещения, и как помещения отдыха личного состава. В учебном заведении не хватало летчиков-инструкторов, техников и преподавателей. Отсутствовали также мастерские для ремонта и подготовки самолетов к полетам [22, л. 28].

Тем не менее первый досрочный выпуск курсантов данной школы, который состоялся уже в феврале 1941 г. Он составил 42 чел. В то же время по приказу командующего 1-й Краснознаменной армии выпускники были оставлены при школе в качестве пилотов, инструкторов по технике пилотирования и преподавателей по теории полета [20, л. 2].

В 1944 г. в вузе были сформированы 2 новые авиаэскадрильи. Основой для их пополнения явились военные кадры постоянного состава из Одесской военно-авиационной школы, которые были переведены на Дальний Восток [23, л. 7]. Прибывшие офицеры внесли существенный вклад в дело подготовки летчиков и авиатехников. В частности, ими были переработаны учебные планы и программы по изучаемым дисциплинам, с учетом фронтовой практики. За период Великой Отечественной войны это учебное заведение произвело 29 выпусков офицеров [21, л. 40].

Многие выпускники дальневосточных военных училищ героически воевали на фронтах Великой Отечественной войны, участвовали в разгроме милитаристской Японии в 1945 г., за что им было присвоено звание Героя Советского Союза. Среди них, например, выпускники Владивостокского военно-пехотного училища старший лейтенант Г.А. Найденов [5, с. 140], младший лейтенант А.З. Закиров [5, с. 505], старший лейтенант И.А. Сорнев окончивший ТОВВМУ в 1941 г. [6, с. 527] и др.

За годы Великой Отечественной войны военно-учебными заведениями Дальневосточного региона СССР было подготовлено около 18 тыс. чел. (см. табл. 3). Конечно, эти данные далеко не полные, т.к. многие архивные источники остаются недоступными для использования в открытой печати по настоящее время.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны принимались повсеместные меры, направленные на ускоренную подготовку командных кадров для различных видов и родов войск. Наблюдалось значительное увеличение числа и емкости военно-учебных заведений. Вузы Дальневосточного регио-

на часто реорганизовывались, менялась их штатная структура, сроки и программы подготовки командных кадров различных уровней. Тем не менее в принимаемых шагах подчас прослеживается тенденция проявления заботы не о качестве выпускаемых офицеров, а об увеличении их количества с целью устранения существенного некомплекта в кадровом составе армии после тяжелых и кровопролитных боев на фронте. Только с середины 1943 г., когда высокой ценой был приобретен опыт ведения войны, а личный состав армии успешно осваивал новые виды вооружения и техники, можно было говорить о более качественной подготовке офицерского состава.

Автором данной работы впервые была сделана попытка, показать деятельность военно-учебных заведений Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. По данным архивных документов автор приводит статистику выпускников вузов, а также направление их дальнейшей службы.

Библиографический список

1. Бокарев В.П. Военные училища — школа подготовки офицерских кадров / В.П. Бокарев. — М.: Знание, 1982. — 64 с.
2. Иовлев А.М. Деятельность КПСС по подготовке военных кадров / А.М. Иовлев. — М., Воениздат, 1976. — 238 с.
3. Меринов Ю. Товарищ память. Приморцы в Великой Отечественной войне / Ю. Меринов. — Владивосток: «Русский остров», 2005. — 240 с.
4. Ткачева Г.А. Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР в 1941-1945 гг. — Владивосток: ТОВМИ, 2005. — 331 с.
5. Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь в 2-х тт. — М.: Воениздат, 1990. Т. 1. — 911 с.
6. Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь в 2-х тт. — М.: Воениздат, 1990. Т. 2. — 863 с.
7. Бурый В.А. Подготовка военных кадров в ТОВВМОУ имени С.О. Макарова в период Великой Отечественной войны и участие выпускников училища в боевых действиях в августе-сентябре 1945г. / В.А. Бурый // Российский флот на Тихом океане: История и современность: Материалы Тихоокеанской конференции, посвященной 300-летию Российского флота. — Владивосток, 1996. С. 113-116.
8. ГАПК. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 798.
9. ЦА МО РФ. Ф. 60018. Оп. 35 036. Кор. 6034. Д. 1.
10. ЦА МО РФ. Ф. 60018. Оп. 35 037. Кор. 258. Д. 40.
11. ЦА МО РФ. Ф. 60019. Оп. 35 233. Кор. 262. Д. 10.
12. ЦА МО РФ. Ф. 60096. Оп. 35188. Кор. 6300. Д. 1.
13. ЦА МО РФ. Ф. 60097. Оп. 35 190. Кор. 1241. Д. 15.
14. ЦА МО РФ. Ф. 60097. Оп. 35 190. Кор. 6304. Д. 3.
15. ЦА МО РФ. Ф. 60102. Оп. 35 198. Кор. 6327. Д. 3.
16. ЦА МО РФ. Ф. 60102. Оп. 35 196. Кор. 6327. Д. 6.
17. ЦА МО РФ. Ф. 60155. Оп. 35 233. Кор. 6369. Д. 7.
18. ЦА МО РФ. Ф. 60155. Оп. 35 234. Кор. 1399. Д. 3.
19. ЦА МО РФ. Ф. 60155. Оп. 35 234. Кор. 1400. Д. 11.
20. ЦА МО РФ. Ф. 60322. Оп. 35 739. Кор. 6946. Д. 2.
21. ЦА МО РФ. Ф. 60322. Оп. 35 739. Кор. 6946. Д. 3.
22. ЦА МО РФ. Ф. 60322. Оп. 35 739. Кор. 6946. Д. 8.

ФОМИНА Наталья Васильевна, адъюнкт Хабаровского пограничного института Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

Дата поступления статьи в редакцию: 23.12.2006 г.

© Фомина Н.В.

ЧИНОВНИКИ ТОБОЛЬСКОГО ГУБЕРНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ: ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ (1905-1917 гг.)

В статье рассматриваются численность, образовательный уровень и качественный состав чиновников Тобольского губернского управления в 1905-1917 гг.

Тобольское губернское управление являлось высшим административным учреждением губернии. Эффективность его деятельности во многом зависела от образования и опыта чиновников.

В указанный период штат Тобольского губернского управления был установлен в 57 классных чиновников, число писцов законом установлено не было, их численность определялась губернатором, исходя из имеющихся возможностей. С 1 сентября 1914 г. в штат губернского управления были введены две новые должности: неперменного члена по воинским делам и секретаря при нем.

Указом 5 октября 1906 г. были отменены ограничения в правах сельских обывателей и других лиц бывших податных состояний и предоставлено право представителям всех сословий (за исключением некоторых нерусских народов) служить в государственном аппарате, в результате желающие смогли занять ряд должностей в губернском управлении, что некоторым образом улучшило замещение низших должностей. Эти лица обычно дорожили службой и редко меняли место работы.

Тем не менее тобольский губернатор Д. Ф. Гагман в отчете за 1909 г. указывал на то, что «комплектование учреждений губернии интеллигентными соответствующими делу рабочими силами, вследствие тяжелых условий жизни и службы, крайне затруднительно, в особенности на средние и низшие должности с крайне ограниченным содержанием, не покрывающим даже самых скромных требований жизни». К тому же «в составе учреждений элемент служащих очень часто меняется, а должности, требующие специальной подготовки, очень часто вакантны. При таком положении дело управления губернией требует усиленной внимательности, настойчивости и наблюдения» [1].

Начальники губерний неоднократно поднимали вопрос о необходимости пересмотра штатов губернского управления, но он так и не был решен. В результате к службе приходилось привлекать нештатных чиновников. Так, в Тобольском губернском управлении по данным на 30 января 1910 г. числилось по одному сверхштатному старшему и младшему чиновникам особых поручений при губернаторе, два вольнонаемных журналиста, 19 вольнонаемных писцов и 14 машинисток.

Новый тобольский губернатор А. А. Станкевич в отчете за 1912 г. отмечал недостатки в организации государственной службы, обращая внимание на то обстоятельство, что аппарат, призванный предусматривать и удовлетворять нужды губернии «покоится на законоположениях и штатах, рассчитанных на совершенно иные условия и количественно совершенно не соответствует огромной работе губернского управления» [2].

Положение осложняло и то, что значительный контингент лиц, состоящих на службе в губернском управлении, составляли уроженцы Европейской России. Часто они, прослужив несколько лет, переводились на службу в центральные губернии. Например, в Тобольской губернии местные уроженцы, получившие высшее или специальное образование редко оставались на месте, а средний уровень образования, остававшихся на службе в губернии, не превышал курса уездного училища и ими замещались низшие должности. Согласно формулярному списку помощника делопроизводителя Тобольского губернского управления В. Г. Шананина, последний получил свое образование в Тобольском уездном училище и был определен на гражданскую службу [3], аналогичное образование имел и другой служащий — И. Ф. Смирнов [4].

Таким образом, в исследуемый период сохранялось деление на приезжих чиновников и местных уроженцев, последние, как и в XIX веке были ниже по происхождению, менее обеспечены материально, но «сильны были знаниями сибирских обстоятельств» [5].

Согласно постановлению Совета Министров от 7 апреля 1908 г. при Министерстве финансов была образована комиссия из представителей заинтересованных ведомств для пересмотра действующего положения о преимуществах службы в отдаленных местностях Империи под председательством товарища министра финансов Чистякова, а после его смерти — во главе занявшего эту же должность Вебера [6].

В конце 1909 г. губернаторы получили циркуляр МВД о необходимости выразить свое отношение к действовавшему «Положению об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях». В связи с необходимостью предоставить сведения об образовательном цензе и числе служащих, которые могут воспользоваться или уже пользуются преимуществами службы, в Тобольской губернии было проведено совещание, на котором были рассмотрены следующие вопросы:

1. Изменились ли служебные и жизненные условия Тобольской губернии настолько, что не представляют уже особого различия с местностями Европейской России?

2. Возможно ли замещение всех или хотя бы некоторых должностей местными уроженцами?

3. Служит ли существование преимуществ службы в Тобольской губернии достаточным основанием для привлечения на службу интеллигентных сил?

4. Отразится ли отмена или сокращение привилегий неблагоприятно на составе служащих в губернии?

Совещание, собранное в 1910 г. губернатором Д. Ф. Гагманом из представителей разных ведомств, пришло к заключению, что особые преимущества

службы в Тобольской губернии являлись единственным средством привлечения в край интеллигентных работников, особенно на должности, требующие специальных знаний, при чем заполнить необходимый персонал местными уроженцами не представлялось возможным. Участники совещания отмечали, что хотя в последнее время жизнь в губернии стала развиваться, но жизненные условия почти не изменились, за исключением некоторых городов (Кургана и Тюмени), расположенных на линии железной дороги. С их точки зрения, предоставленные для Тобольской губернии особые преимущества лишь в слабой степени восполняли те лишения, которые были вызваны местными условиями службы и жизни. Тем не менее они имели существенное значение, так как хотя бы отчасти и на временную службу все же привлекали в край интеллигентные силы. Поэтому совещание пришло к заключению, что отмена или сокращение в чем-либо особых преимуществ службы в Тобольской губернии является преждевременной [7].

Качественный состав приезжих чиновников губернского управления очень часто не выдерживал никакой критики. Согласно сведениям о лицах, состоящих на государственной службе по ведомству МВД в Тобольском уезде Тобольской губернии за 1909 г., часть должностей занимали лица приезжие. Так, губернатор был переведен из Могилевской губернии, вице-губернатор — из Екатеринославской губернии, советники губернского управления из Казани и Ставрополя, старший и младший штатные чиновники особых поручений были переведены на службу из Могилева, младший сверхштатный чиновник особых поручений из Рязани, помощники губернского врачебного инспектора из Казани и Минской губернии, ветеринарный инспектор был родом из Полтавской губернии. В то же время старший советник губернского управления, непременные члены по крестьянским делам были из Тобольской губернии, а губернский врачебный инспектор из Иркутска. Большая часть местных уроженцев состояла на должностях не выше VIII класса (делопроизводители и их помощники, бухгалтер, архивариус, экзекутор) [8].

Образовательный уровень чиновников не всегда соответствовал занимаемой должности. Так, оба советника Тобольского губернского управления, старший и младший штатные чиновники особых поручений, а также младший сверхштатный чиновник особых поручений имели низшее образование. Вице-губернатор, старший советник губернского управления и один из непременных членов по крестьянским делам имели среднее образование. В результате только лица, занимавшие должности, требующие специальной подготовки, были с высшим образованием — врачебный инспектор и его помощники, ветеринарный инспектор, губернский и младший архитекторы, младший инженер, непременный член по крестьянским делам и помощник делопроизводителя губернского управления.

По сведениям за 1910 г. в Тобольском губернском управлении было только 5 чиновников со средним образованием: старший советник И.В. Бирюков, три делопроизводителя и помощник делопроизводителя. Советник второго отделения А.А. Корнеев из ротных фельдшеров держал экзамен на чин, прибыл в Тобольск из Европейской России. Советник третьего отделения И.Н. Бутлеров, известный как специалист по «строительной части», имел лишь домашнее образование. Отмечалось, что чиновники из местных уроженцев, имеющие низ-

шее образование (окончили городские и уездные училища), по своему развитию и работоспособности часто превосходят приезжих [9].

Таким образом, в составе Тобольского губернского управления лица с низшим образованием составляли 65,7 %, со средним — 10,6 %, с высшим — 23,7 % [10].

Состав чиновников Тобольского губернского управления изменялся постоянно. На основе изучения данных списков должностных лиц состоящих на службе в МВД, которые ежегодно печатались в «адрес-календарях» каждой губернии можно сделать определенные выводы. Из анализа сведений за 1909 и 1913 гг. по Тобольской губернии следует, что состав губернского управления изменился на 65 %. В то же время за 1913-1915 гг. - не более чем на 16 % [11]. Ряд должностей оставались вакантными на протяжении длительного времени и чаще всего для их замещения необходимы были чиновники со специальной подготовкой (архитектор, инженер и их помощники). Во главе первого отделения губернского управления на протяжении 1909-1915 гг. находился старший советник И.В. Бирюков, второе отделение возглавлял в 1909 г. А.А. Корнеев, в 1913, 1914 г. советник Б.А. Потапов, а по данным на начало 1915 г. эта должность была вакантной, советником третьего отделения в 1909 г. являлся И.Н. Бутлеров, в 1913 г. - Н.Н. Виноградский, затем его сменил Н.И. Бударин.

Таким образом, замещение должностей способными и усердными людьми оставалось серьезной проблемой. Состав губернского управления изменялся с разной долей интенсивности и зависел от целого ряда факторов: небольшого оклада содержания, неравномерного распределения обязанностей, отношения губернатора к чиновникам.

Частая перемена в составе должностных лиц приводила к негативным результатам: увеличению канцелярской волокиты, формализму в работе, стремлению чиновников угодить начальству, вместо того, чтобы четко исполнять возложенные на них обязанности.

Примером долгой и плодотворной службы может быть деятельность старшего советника Тобольского губернского управления Ивана Васильевича Бирюкова. Сын священника, окончил полный курс наук в тобольской духовной семинарии. Высочайшим приказом от 26 октября 1895 г. был назначен советником тобольского губернского управления с 1 ноября 1895 г. в виду введения с этого времени нового штата управления. Приказом по гражданскому ведомству от 30 декабря этого же года утвержден в должности старшего советника, которую занимал на протяжении всего исследуемого периода [12].

Таким образом, вполне закономерно, что «воспроизводство управленческих кадров в самой Сибири могло удешевить их подготовку и содержание, повысить заинтересованность в результатах труда, обеспечить более высокую осведомленность о крае», но кроме этого существовало понимание того, «что местный чиновник будет более подвержен воздействию окружающей среды, быстрее проникнется ее взглядами, что чревато перекосами в сторону региональных интересов в ущерб интересам центра» [13]. Но следует учитывать то обстоятельство, что «чиновничество было всегда ориентировано, прежде всего, на интересы государства», «каждый чиновник был ответственен главным образом перед другим вышестоящим чиновником» [14]. В результате бюрократия превратилась в могущественное и в то же время послушное орудие верховной власти, которая сама должна была стремиться следовать закону и четкой инструкции.

В исследуемый период все же удалось существенно увеличить долю местных уроженцев в составе губернских учреждений. Так, по сведениям на 1908 г. среди чиновников Тобольской губернии они составляли 46 % [15]. Существуют и другие данные. Так, Т.В. Козельчук делает вывод о том, что личный состав чиновничества Тобольской губернии (служивших в основном в Министерстве внутренних дел, в Министерстве юстиции и Министерстве финансов) формировался на 82 % за счет местных сибирских кадров, при этом на долю уроженцев Тобольской губернии приходилось подавляющее большинство [16]. Соотношение приезжих чиновников и сибиряков в тобольском губернском управлении было примерно равным, с той лишь разницей, что первые занимали в основном должности V – VII класса, а вторые – VIII – IX.

В условиях неразвитой системы профессиональной подготовки государственных служащих, большая часть чиновников губернских управлений оставалась специалистами широкого профиля. Сохранению подобного положения способствовали вневедомственные перемещения служащих.

С назначением на должность канцелярский служащий или чиновник получал определенное содержание, которое состояло из жалованья, столовых денег, квартирных денег или казенной квартиры. Жалованье и столовые деньги выдавались всем служащим с 20-го числа каждого месяца. Квартирные деньги выдавались на треть года вперед.

Денежные оклады чиновников не в состоянии были обеспечить достойного существования, поэтому вопрос о возможности их увеличения рассматривался центральными и местными властями

П.А. Столыпин, говоря о необходимости увеличения содержания, отмечал в декабре 1909 г., что штатные чины губернских управлений и канцелярий губернаторов находятся в гораздо худших условиях, чем местные чины других ведомств [17], но о западносибирских губерниях ничего сказано не было.

В итоге 21 января 1910 г. был принят закон об увеличении содержания чинам местных учреждений во внутренних губерниях, который был введен в действие с 1 июля, не затронув сибирские области и губернии. Так, содержание советника, врачебного инспектора Европейской России увеличилось с 1800 до 2500 руб., ветеринарного инспектора с 1500 до 2200 руб., регистратора и архивариуса с 600 до 1000 рублей [18]. Таким образом, чиновники внутренних губерний оказались в более выгодном материальном положении после введения повышенных окладов содержания. По мнению местных властей, вопрос о повышении получаемого в Западной Сибири чинами жалованья после этого стал «вполне назревшим и подлежащим скорейшему разрешению» [19].

Показателем качественного состава служащих губернских управлений может служить число чиновников, привлеченных к ответственности за должностные преступления. К сожалению, по причине отсутствия точных сведений мы можем только сделать общие выводы о количестве преступлений среди лиц, находившихся на государственной и общественной службе. Например, по состоянию на 1908 г. преступления этой группы в Тобольской губернии составляли 5% от общего числа, в 1910 г. – 6,5%, в 1912 г. – 4,6% [20]. При этом аналогичные сведения по Российской империи было почти в два раза ниже и в период 1904–1913 гг. по подсчетам Б.Н. Миронова составляли 2,7 % [21]. Таким образом, вследствие отсутствия необходимого контроля и отдаленности от центра, злоупот-

ребления чиновников в губернии были более обширны. Тем не менее в судах в основном разбирались преступления уездных и волостных должностных лиц, случаи привлечения к ответственности чиновников губернских правлений были единичны.

За выслугу лет государственным служащим полагалось повышение в чине. Так, старший советник Томского губернского управления коллежский советник М.Н. Еремеев был произведен в статские советники с 1 марта 1908 г., как выслуживший положенный четырехлетний срок в прежнем чине.

Согласно ст. 156 «Устава о службе по определению от правительства» на канцелярские и другие должности во всех правительственных и общественных учреждениях, где места предоставляются по назначению от начальства и по выборам, прием женщин даже по найму был запрещен, исключения из этого правила закрепляла ст. 157, но они не распространялись на ведомство МВД [22].

В 1909 г. губернаторы получили циркуляр МВД с требованием предоставить в канцелярию министерства данные об обязанностях женщин в губернских и уездных учреждениях, «где таковые уже занимают или могут быть приняты на канцелярские или штатные должности». Необходимость подобных сведений возникла в связи с разработкой законопроекта о разрешении лицам женского пола служить в ведомстве МВД.

Но, несмотря на положительное отношение властей к разрешению этого вопроса, законодательные акты, разрешающие женщинам официально занимать низшие должности в ряде министерств, были приняты только накануне Февральской революции 1917 года [23].

В «Уставе о службе по определению от правительства» для чиновников было предусмотрено право на отпуск до 4-х месяцев, в том числе с сохранением содержания до 2-х месяцев, а в отдаленных местностях эти сроки увеличивались вдвое, если чиновники увольнялись за пределы главного управления, при котором состояли на службе. Уволенным в отпуск выдавался билет, в котором указывались имя, фамилия, чин, служба или должность, место проведения отпуска и срок действительности билета. В том случае, если чиновник не возвращался на место в положенный срок, из его жалованья вычиталась сумма за просроченное время. Во время отпуска обязанности отсутствующего чиновника губернских и уездных учреждений возлагались, согласно приказу губернатора, на другое лицо [24].

Чиновники губернского управления имели возможность получения пенсий, что регулировалось «Уставом о пенсиях». Это обстоятельство было особенно важным, если учитывать тот факт, что они не имели кроме содержания по службе других источников дохода. Согласно общим положениям все прослужившие в гражданской службе от 25 и до 35 лет получали при выходе в отставку пенсию в половину оклада, прослужившие же 35 лет и более получали полный оклад.

Согласно «Положению о преимуществах службы в отдаленных местностях» пенсии и единовременные пособия служащим и их семьям в Тобольской губернии назначались с сокращением пенсионных сроков, с учетом того, что 3 дня службы в этих местностях считались за 4. Право на выслуженное сокращение пенсионных сроков сохранялось в случае перехода на другую службу внутри империи. Кроме того, лица, прослужившие в крае не менее 10 лет и в последней должности не менее трех лет, имели право на получение повышенных пенсионных окладов [25].

Тем не менее эти льготы распространялись только на приезжих чиновников и не затрагивали формирующиеся местные кадры управления.

Часто чиновники испытывали определенные трудности при выходе в отставку. Выплата жалования прекращалась, и если они не имели сбережений, то вынуждены были оставаться несколько месяцев без средств к существованию. Пенсия, конечно, выдавалась за все время с момента назначения, но только через несколько месяцев. Поэтому ко времени ее получения многие бывшие чиновники вынуждены были влезать в долги. Но такого положения можно было избежать, назначив по смете Департамента государственного казначейства особую статью для авансовых отпусков в счет последующих ассигнований [26]. Вышедший в отставку чиновник мог вновь вернуться на службу. Отстраненные от службы за неподобающее поведение имели право продолжить работу, но не ранее чем через два года.

В исследуемый период оставалось много нерешенных вопросов в деле замещения должностей губернского управления опытными сотрудниками. Это было связано с небольшим жалованием чиновников, необходимостью привлечения специалистов из Европейской России, нехваткой местных кадров. Штатный состав Тобольского губернского управления за время своего существования был увеличен только на две должности в 1914 г. и не соответствовал требованиям времени. Начальники губерний неоднократно указывали на необходимость преобразований, но они так и не были проведены. Недостаток служащих на протяжении всего периода восполнялся за счет привлечения в губернское управление внештатных сотрудников. Кроме негативных тенденций можно выделить и положительные моменты: возросло число местных представителей среди служащих губернского управления, постепенно повышался их образовательный уровень, большая часть чиновников, несмотря на сложное положение, со всей ответственностью выполняла возложенные на них обязанности, делая все возможное для того, чтобы сохранить авторитет Тобольского губернского управления как высшего административного учреждения губернии.

Библиографический список

1. РГИА. Ф. 1276. Оп. 17. 1911. Д. 162. Л. 232, 233.
2. Там же. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 56. Л. 28; Д. 98. Л. 6.

3. ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 30. Д. 218. Л. 25.
4. Там же. Оп. 51. Д. 6. Л. 3, 4.
5. Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002. С. 146.
6. ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 36. Д. 279. Л. 127; ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 194. Л. 172.
7. ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 36. Д. 326. Л. 14, 16 — 17.
8. Там же. Оп. 30. Д. 219. Л. 14; 226. Л. 43; Д. 228. Л. 21.
9. Сибирские вопросы. 1910. № 12. С. 29.
10. Подсчитано по: ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 36. Д. 279. Л. 4 — 6;
11. Подсчитано по: ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 36. Д. 351. Л. 6 — 8; Оп. 30. Д. 218. Л. 27 — 29; Д. 221. Л. 40 — 42; Памятная книжка Тобольской губернии на 1909 г. Тобольск, 1909. С. 211 — 214; ... на 1913 г. С. 3 — 4; ... на 1914 г. С. 3 — 5; ... на 1915 г. С. 3 — 4.
12. ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 30. Д. 221. Л. 35, 41 — 42.
13. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX — начала XX веков. Омск, 1997. С. 246.
14. Миронов Б.И. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). СПб., 2000. Т. 2. С. 204.
15. Ремнев А.В. Указ. соч. С. 230.
16. Козельчук Т.В. Чиновничество Тобольской губернии во второй половине XIX — начале XX века. Автореф... канд. ист. наук. Курган, 2002. С. 23.
17. Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия... М., 1991. С. 230.
18. Голос Сибири. 1910. 1 июня, 12 июня, 24 июля.
19. РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 98. Л. 12.
20. Подсчитано по: Обзор Тобольской губернии за 1908 г. С. 15; ... за 1910 г. С. 17; ... за 1912 г. С. 19.
21. Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 171.
22. СЗРИ. СПб., 1913. Кн. 1. Т. 3. С. 1740.
23. Сенин А.С. Государственная служба в Золотой век Российской империи // Архипова Т.Г., Румянцев М.Ф., Сенин А.С. История государственной службы в России. XVIII-XX века. М., 2000. С. 114.
24. Сенин А.С. Указ. соч. С. 123-124; ГАТО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 165. Л. 106; Д. 139. Л. 1-2.
25. ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 1211. Л. 128, 136.
26. Голос Сибири. 1910. 3 июля.

ГЕРМИЗЕЕВА Виктория Викторовна, старший преподаватель кафедры «Отечественная история».

Дата поступления статьи в редакцию: 15.01.2007 г.
© Гермизеева В.В.

Книжная полка

История Древней Греции: учеб. пособие / В.И. Кузишин, Т.Б. Гвоздева, В.М. Строгоцкий и др.; Под ред. В.И. Кузишина. — М.: Высш.школа, 2007. — 464 с.

В учебном пособии дано систематическое изложение основных событий древнегреческой истории, начиная с зарождения первых государственных образований на Крите в конце III тыс. до н.э. и до падения эллинистического царства Птолемеев в I в. до н.э. и включения его в состав Римской империи. Прослеживается происхождение и расцвет древнегреческой цивилизации, ее экономических и социальных структур, политических и государственных институтов, основных сфер древнегреческой культуры. Особое внимание уделяется богатому наследию эллинской культуры и ее мощному и многостороннему влиянию на развитие древнеримской и современной культуры. Учебное пособие содержит антологию текстов древних авторов: Гомера, Геродота, Фукидида, Аристотеля, Демосфена, Плутарха и др.

Для студентов вузов, колледжей и лицеев, изучающих всеобщую историю и мировую культурологию. Может быть интересно широкому кругу читателей.

Рекомендовано УМО.

БОЕВОЕ СНАБЖЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АРМИИ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ: МИССИЯ А.И. РУСИНА В АНГЛИЮ И ФРАНЦИЮ (ОКТАБРЬ — ДЕКАБРЬ 1915 г.)

Данная статья представляет собой небольшое научное исследование, в котором освещается лишь один эпизод попытки правительства Николая II решить проблему закупки вооружения и военной техники, другого имущества у более развитых в промышленном отношении стран-союзниц. От решения этой государственной задачи в определяющей мере зависела боеспособность российской армии на фронтах Первой мировой войны. Представленный читателю материал актуален, так как, спустя 90 лет, мы не должны забывать, что сильная Россия нужна только русским.

Поездка начальника Морского генерального штаба А.И. Русина состоялась по инициативе английского военного министра лорда Китченера, пригласившего российского военного министра посетить фронты союзных армий. Кроме того, командование союзных армий «настойчиво просило устроить в Лондоне совещание из лиц, ответственных за снабжение армий, в целях согласования усилий, которые делаются, и для выяснения мероприятий, коим одна страна может оказать помощь другой»¹. Ввиду невозможности военному министру А.А. Поливанову отлучиться из Петрограда Николай II решил послать особую миссию под председательством адмирала А.И. Русина.

В состав миссии вошли следующие лица: от Главного артиллерийского управления — В.Г. Федоров, от Главного инженерного управления — М.В. Савримович, от Генерального штаба — П.Н. Кельчевский, от Особого совещания по обороне — коллежский советник А.А. Терне и представители морского ведомства — лейтенанты В.В. Романов и И.А. Любомиров.

Состав миссии, которая должна была разрешить ответственные вопросы снабжения российской армии, был недостаточно подготовлен к решению большого количества сложных технических и хозяйственных вопросов. Нельзя не согласиться с В.Г. Федоровым, который в одной из своих работ, вышедших много позднее, писал, что состав миссии «имеет бесспорно случайный характер и совершенно не соответствует всей обстановке, которая сложилась для русской армии; я был на фронте, я знал, в каком положении находится теперь армия, и считал, что без помощи союзников ей вряд ли удастся самостоятельно подняться на ноги. Несмотря на мои искренние симпатии и глубокое уважение к А.И. Русину, я все-таки считал, что во главе миссии для помощи русской сухопутной армии никоим образом не мог быть поставлен моряк; кроме того, из восьми человек миссии только один генерал Савримович был служащий довольствующих учреждений по непосредственному снабжению армии»². Себя Федоров также не считал достаточно компетентным представителем по всем вопросам артиллерийского снабжения. «Знать все потребности армии, начиная от орудий большого калибра и кончая телефонными станциями, стенографическими аппаратами, латунью

для изготовления капсулей для наших заводов, конечно, могло только лицо, стоящее в центре всего снабжения»³.

Миссия имела в своем распоряжении ведомость с перечнем предметов, необходимых России до 1 января 1917 г. и подлежащих заказу за границей. Она состояла из 209 пунктов, и А.И. Русину было предложено ею «руководствоваться при переговорах как основой». Главнейшей задачей миссии являлось получение за границей ружей и патронов к ним.

Чтобы иметь представление о заявках российского правительства на заграничные заказы, приведем некоторые данные из сводной описи, которой предшествовала объяснительная записка, подписанная военным министром А.А. Поливановым⁴. Первые 11 пунктов касались заявок на артиллерию, винтовки и пулеметы. Россия нуждалась в огромном количестве пороха, толуола, колючей проволоки, телефонных аппаратов и телефонного кабеля. Свыше 20 пунктов заявки касались разных сортов стали и разнообразного авиационного имущества. Механические средства передвижения также занимали видное место. Артиллерия нуждалась в тракторах, а тылы армии и штабы — в грузовых и легковых автомобилях, механических мастерских, санитарных автомобилях, мотоциклах и велосипедах. Механическому транспорту требовалось огромное количество комплектов запасных частей, шин и покрышек. Свыше 70 пунктов перечня занимали предметы медицинского снабжения армии.

Таким образом, самое беглое и общее ознакомление с перечнем нужд российской армии, которые должны были быть удовлетворены при участии и с помощью союзников, показывает, что миссия ехала с широкой программой заявок, касавшихся буквально всех сторон снабжения нашей армии. В заявке не была указана даже примерная стоимость предметов, которые предполагалось закупить. Однако и без этого было ясно, что речь идет о миллиардных заказах, от успешного выполнения которых в большой мере зависела боеспособность армии.

В объяснительной записке к ведомости А.А. Поливанов писал: «Прилагаемая ведомость обнимает собой перечень предметов, подлежащих изготовлению до 1 января 1917 г. за границей ввиду невозможности получения их на внутреннем рынке. Срок до 1 января 1917 г. является удлинением на полгода срока

программы снабжения армии, установленного Особым совещанием по обороне государства в соответствии с длительностью навигационного периода. Означенная ведомость не может, однако, считаться исчерпывающей всю потребность русской армии за указанный период времени», так как размер потребности армии может измениться в сторону увеличения в связи с обстановкой на фронтах⁵.

Миссия выехала из Петрограда в Архангельск. Оборудование и организация архангельской гавани еще не были закончены. Не только пристань, но буквально все улицы и площади были завалены ящиками, оборудованием, ворохами колючей проволоки, грудями металла, складами снарядов. Знаменитая Бакарица превратилась уже в огромный порт. На протяжении многих километров выросли пристани для приемки иностранных пароходов; везде понастроенны были склады и сараи. «Целые горы, в буквальном смысле этого слова, каменного угля лежали вдоль пристани; громадные ящики с различными станками для развития военных заводов, набросанные в хаотическом беспорядке, громоздились один над другим».

Охрана грузов была поставлена плохо. Защита же морских подступов к городу и пристани лежала на единственном старом надводном судне «Бакан» и двух подводных лодках. В порт прибыл слабо вооруженный легкий английский крейсер «Ифигения». Этим и ограничивалась защита морских коммуникаций к единственному окну России в Европу.

Из Архангельска в Лондон миссия выехала 4 октября 1915 г.⁶ на английском крейсере. В самом начале путешествия произошло приключение, надолго задержавшее российскую миссию. При выходе из горловины Белого моря крейсер наскочил на мину и подорвался; при спасении экипажа погиб тральщик. Некоторые члены миссии отделались ушибами, но все были спасены и доставлены в бухту Иоканки, где и дожидались прибытия нового военного корабля из Англии. Из-за этого несчастного случая наша миссия прибыла в Лондон с большим опозданием — 9 ноября, и на следующий же день она приняла участие в работе конференции по обсуждению вопросов снабжения.

Представители союзников уже съехались: от Франции — Альбер Тома, от Италии — Марафини. Лорд Китченер отсутствовал в Лондоне, и поэтому главным лицом, с которым российской миссии пришлось иметь дело, был министр снабжения Д. Ллойд Джордж.

Задача совещания союзников, по словам Ллойда Джорджа, заключалась в том, чтобы выявить потребности России и Италии и найти «способы к их удовлетворению». Поэтому Ллойд Джордж особенно настаивал в своей вступительной речи на получении от союзников правдивых и точных данных «всех нужд и нехваток, которые наиболее остры в данное время», чтобы знать, «какие потребности могут быть удовлетворены своими средствами, без помощи союзных стран».

Однако все содержание речи Ллойда Джорджа мало свидетельствовало о том, что он намерен серьезно помочь России. Смысл его речи был следующий: в первый период войны основное внимание английского правительства было приковано к усилению мощи морских сил, что «потребовало участия всех промышленных и технических средств страны». От $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ всех технических средств Англии было направлено на создание господства на морях.

По словам Ллойда Джорджа, господство Англии на морях необходимо не только в интересах самой

Англии, «но и для общего успеха дела союзников». Лишь в последнее время Англия могла направить серьезные средства на создание сухопутных сил, их вооружение и снабжение. Английская сухопутная армия по численности была меньше армии Сербии, Болгарии или Греции. Эта армия предназначалась для охраны метрополии, а отнюдь не для серьезного участия в борьбе на континенте. Посылка войск во Францию преследовала якобы задачу «морально поддерживать нашу союзницу»⁷.

Далее Ллойд Джордж произнес следующие многозначительные слова: «Более 6 лет я принимаю участие в работе правительства по государственной обороне, и никогда среди нас не возникал вопрос посылки наших войск на материк. Но что произошло после этого? Мы решили поднять на ноги всю мощь империи не только на море, но и на суше и выступить на поддержку с могучей сухопутной силой. У нас было 200 тыс. солдат — теперь 2,5 млн. Тот, который сказал бы это 21 июля прошлого года, был бы сочтен за сумасшедшего. Наш план войны не имел даже намека на развертывание такой армии, и пришлось все создавать наново... Пришлось привлечь к делу снабжения частные фирмы, создавать новые производства. Конечно, наши технические средства велики, но все были направлены для мирной промышленности, а надо было поставить на ноги и вооружить 2 S-миллионную армию. Будь у нас арсеналы, как у России, Франции и Италии, подготовленные для армии большей численности, наша техника пустила бы в ход военную промышленность, и мы могли бы обильно снабжать наших союзников. Как г. Тома, так и другие союзники обращаются ко мне за разными припасами, и мне часто приходится отказывать им, что представляется странным для такой промышленной страны, как наша. Но мне хочется, чтобы союзники поняли, что нам нужно снарядить 2 S-миллионную армию с головы до ног».

Поэтому Ллойд Джордж предупредил делегатов, прибывших «с желанием получить от нас многое из того, что мы производим, помнить», что технические средства Англии заняты вооружением своей армии и флота и не следует рассчитывать на многое. «Вполне естественно, что наш первый долг — это забота о вооружении нашей армии, и как бы велики ни были нужды наших союзников, во многих случаях наши еще больше»⁸. После такой вступительной речи делегаты российского правительства не могли рассчитывать на многое.

Мы можем убедиться, что Ллойд Джордж — министр снабжения очень мало походит на Ллойда Джорджа — мемуариста, политического деятеля в отставке. В своих мемуарах он критикует близорукую политику английского правительства, отказавшего России в 1915 г. в серьезной помощи, поставившего тем самым ее армию на грань поражения и затянувшего войну. Но разве сам Ллойд Джордж на конференции в 1915 г. выражал желание действовать так, как он признавал необходимым впоследствии? Из его речи было видно, что только через год, в июле-августе 1916 г., после вооружения английской армии Россия могла надеяться на получение серьезной помощи от Англии. Так обстояло дело в действительности.

В своей речи представитель Франции А. Тома сообщил, что Франция увеличила выпуск артиллерии в 12 раз и создала производство «не существовавшей у нас тяжелой артиллерии». Поблагодарив Англию за помощь в разного рода материалах, он призвал союзников к откровенному обмену сведениями, предлагал изучить создавшееся поло-

жение и «начать организовываться». Обращаясь к российской и итальянской делегациям, он спрашивал: «Что у вас сделано? Над чем вы работаете? Какие ваши планы в ближайшем будущем? Должен быть откровенный обмен сведениями между союзниками. Не надо больше секретов. Откройте ваши карты». У А. Тома хватило смелости признать, что при раздаче заказов «до сих пор мы сплошь и рядом занимались грабежом друг у друга, в нейтральных странах союзники конкурировали при даче заказов», поэтому он предлагал выработать соглашение о «взаимных согласованных действиях». Далее было сказано о больших ресурсах стран Антанты, чем у Тройственного союза, о больших возможностях Англии и неиспользованных средствах Нового Света и ничего конкретного о помощи союзникам за счет продукции французской промышленности⁹.

«Карты» России видны были всем, и слова А. Тома показывали, что целью совещания является в первую очередь взаимная информация, а не деловое изучение российских потребностей и заявок для их удовлетворения.

В тот же день на вечернем заседании подверглась «беглому обзору» привезенная российскими делегатами и врученная Ллойд Джорджу ведомость заявок России. Заседание установило «громадность наших пожеланий в области тяжелой артиллерии и указало на невыполнимость этих пожеланий».

Таким образом, результаты деятельности миссии по вопросам непосредственно боевого снабжения российской армии позволяют сделать вывод, что, кроме заказа на аэропланы во Франции и небольшого заказа на электротехническое оборудование, ничего сделать не удалось как по причине плохой подготовки самой миссии, так и вследствие весьма прохладного отношения правительств союзнических государств. Очевидно, реализация большей части заявки, с которой прибыла миссия, должна была стать делом повседневной деятельности Русского правительственного комитета в Англии, а также Американского комитета.

Гораздо больше сочувствия со стороны английского правительства миссия встретила в деле закупки предметов интендантского снабжения. Еще до поездки миссии в Англию российское правительство разместило крупные заказы в Америке (сапоги, шипы для подков). Кроме того, оно готовилось передать новый заказ на сукно, седла, шипы. Это встретило англичан, охотно предложивших свои услуги¹⁰. По приезде миссии в Лондон «представителями британского военного министерства неоднократно указывалось, что заказ этих предметов снабжения удобнее было бы разместить на английский рынок, ибо американские поставщики, получая сырой материал из Англии, должны окупить стоимость приобретенного товара, а также его перевозку и прочее, и потому они вынуждены повышать цену на заказанные предметы снабжения против существующих на английском рынке». Английские контрагенты не хотели упустить случая заработать на экипировке российской армии. Поэтому ими было заявлено о готовности «разместить все наши заказы на эти предметы в Англии по более выгодным ценам, ибо на рынке страны имеется достаточное количество свободного товара, качественно и количественно отвечающего нашим требованиям». Англичане соглашались полностью поставить 28 млн. ярдов сукна (в счет которых на 11 млн. уже были отданы заказы, в том числе 5 млн. ярдов — американцам). Кроме того, ко времени возвращения мис-

сии в Россию Особое совещание по обороне решило передать полностью весь заказ на сапоги (3 млн. пар) английскому правительству.

Отпуская военные кредиты России, английское правительство весьма цепко держало их в своих руках и очень неохотно допускало расходование этих денег в Америке.

В части заказов на медикаменты и санитарное довольствие английский рынок оказался недостаточным подготовленным для удовлетворения нужд России. Британское правительство высказалось за то, чтобы все подобные заказы передавались из одного правительственного органа. Тем самым отвергались претензии Всероссийских земского и городского союзов. Англия отказалась снабжать Россию рядом медикаментов, отсылая к Франции и Америке. Даже термометров было отпущено всего лишь 5 тыс. штук вместо просимых 30 тыс.

Мы рассмотрели все результаты миссии в деле снабжения российской армии при помощи союзников. За исключением части предметов боевого снабжения и интендантских вещей результаты были самые мизерные. Общая линия англичан — «все нужно для своей армии» — определяла эти результаты. Несколько более доверчивые отношения были с французами. Но французы могли поставить России значительно меньше англичан.

Внешняя любезность и предупредительность, обещания рассмотреть вопрос о поставках в будущем прикрывали в сущности весьма расчетливую и эгоистическую политику англичан и французов к своей союзнице, армия которой только что пережила величайшую катастрофу, оставшись без оружия и снаряжения. Союзники не проявили действительно глубокого понимания потребностей российской армии и желания оказать ей серьезную помощь.

В то время, когда российская миссия объезжала столицы Англии и Франции, выпрашивая в сущности жалкие подачки, в Петроград прибыла миссия Поля Думера, которая раскрыла действительные карты союзников в отношении России. В ноябре 1915 г. Поль Думер был принят в Ставке Николаем II и М.В. Алексеевым и изложил им свои «пожелания», которые в действительности выглядели как наглые требования. В разговоре с М.В. Алексеевым Думер «с большим красноречием» развивал план отправки российских солдат во Францию. Связь двух явлений — материальная зависимость России и «просьба» Думера — правильно воспринималась современниками. Даже М.В. Алексееву «не понравилась попытка Думера приравнять подобную услугу со стороны русских той услуге, которую оказывает нам Франция присылкой оружия»¹¹. В телеграммах М.В. Алексеева в Генеральный штаб М.А. Беляеву и Я.Г. Жилинскому, в письмах Н. Кудашева из Ставки министру иностранных дел в весьма неприкрытой форме выглядит основа сделки между французским и российским правительствами, сделки, которая возмущала даже монархистов-генералов, но которой они не смели противодействовать.

4 декабря М.В. Алексеев сообщал Я.Г. Жилинскому: «Думер просит 300 тысяч укомплектований тысяч по 30 ежемесячно. Быть может ввиду нашей материальной зависимости будет сделан опыт формирования двух наших полков придачею французского кадра. Лично против такой даже меры, желательной, чтобы на этом опыт, если он неизбежен, был ограничен»¹². В телеграммах военному министру и М.А. Беляеву М.В. Алексеев объяснял, отчего нельзя отказать Думеру, хотя лично он и был против: «Если

мы слишком зависимы в отношении материальной части, решительный полный отказ, который следовало бы дать, признается нежелательным»¹³. Желая сохранить «добрые отношения» и только «в силу особой необходимости» Алексеев вынужден был пойти на эту «крайность», как он писал.

Дипломат Кудашев, присутствовавший в Ставке во время разговора Думера с М.В. Алексеевым, прямо писал С.Д. Сазонову о том, как «Думер имел неосторожность слишком выпукло сопоставить взаимные услуги, оказываемые друг другу союзниками: французы нам дают ружья (он обещал еще 150 000, кроме обещанных раньше), мы же будем давать им людей. Это предложение торгова бездушных предметов на живых людей особенно покорило генерала Алексеева, и без того мало сочувствующего посылке наших солдат»¹⁴.

Однако Алексеев все же вынужден был силою вещей согласиться на посылку не двух полков, как он писал Я.Г. Жилинскому, а двух бригад, количество которых впоследствии еще более увеличилось.

Так в действительности выглядели отношения России с союзниками, если на них смотреть не сквозь розовые очки доклада А.И. Русина и его помощников.

В докладе А.И. Русина нет никаких критических замечаний относительно политики союзников в отношении России и итогов деятельности миссии¹⁵. Он остался доволен достигнутыми результатами и считал, видимо, что сделано все возможное. Докладывая 9 января 1916 г. Особому совещанию по обороне о результатах своей поездки, А.И. Русин явно преувеличивал степень готовности союзников — Англии и Франции — идти навстречу пожеланиям России. Это и вызвало критическую реплику М.А. Стаховича, сказавшего, что «миссия наша вела переговоры в недостаточно убежденном тоне, обращаясь с просьбами к союзникам, вместо предъявления им требований, следствием чего явилось заключение договоров, для нашего национального самолюбия прямо обидных и доходящих до установления контроля над нашими исчислениями и назначениями заказов»¹⁶. Однако это мнение М.А. Стаховича не было поддержано другими членами Особого совещания. Даже правый Марков 2-й признал в своем выступлении, что миссия «в полной мере сумела оградить интересы нашей обороны». Это признание идет дальше того, что говорили о результатах поездки сами члены миссии, например В.Г. Федоров. Его вывод о недостаточности помощи России со стороны союзников глубоко справедлив. Россия только что пережила тяжелое военное поражение, потеряла большую территорию и все крепости на западе, понесла огромные жертвы людьми и техникой. Все это было следствием отсутствия вооружения — пушек, снарядов, винтовок, пулеметов.

Посещая английские и французские промышленные предприятия, члены миссии наглядно видели, как использовали союзники затишье на фронте для разворота промышленности с целью технического оснащения своих армий. Армии союзников были оснащены неизмеримо сильнее и богаче, чем российская.

На участке фронта в 50 км французы сосредоточили во время сентябрьского наступления 1915 г. 4500 орудий (из них 2500 тяжелых), т.е. по 90 пушек на километр, причем каждая пушка выпускала ежедневно по 200 полевых и 100 тяжелых снарядов. Армии союзников имели пулеметов в 4 раза больше, чем русские; авиации было неизмеримо больше; запасы военного технического снаряжения — огромны. Следовательно, союзники имели возможность отпускать гораздо больше артиллерии и других предметов вооружения, нежели они дали, и тем самым лучше вооружить российскую армию к важнейшим событиям 1916 г., когда армии союзников готовились наступать на основе единого плана.

Библиографический список

1. РГВИА. Ф.2003. Оп.10. Д.84. Л.12. Отчет о поездке миссии под председательством вице-адмирала А.И. Русина в Англию и Францию 14 октября 1915 г. — 15 декабря 1915 г. Отчет опубликован в «Историческом архиве» (Т.IV. 1949). В печатном экземпляре отчета (там же. Ф.369. Оп.1. Д.90) имеются приложения: «Записка о работе наших организаций за границей в Лондоне и Париже» (текст объяснительной записки к ведомости на английском и русском языках подписан А.А. Поливановым), в копии «Ведомость предметов, подлежащих заказу за границей в потребность к 1 января 1917 г.», «Записка-отчет по вопросу артиллерийского снабжения полковника Федорова» (Прилож.3. Л.78-105) и записки других участников миссии, кроме моряков. См. также книгу В.Г. Федорова, являвшегося членом миссии А.И. Русина (Федоров В.Г. Оружейное дело на грани двух эпох. Ч.II. М., 1969. С.54-73).
2. Федоров В.Г. Указ.соч. С.55.
3. Там же.
4. РГВИА. Ф.369. Оп.1. Д.90. Л.18-18об. Объяснительная записка к ведомости предметов, подлежащих заказу в потребность Военного министерства до 1 января 1917 г.
5. Там же. Л.18.
6. По данным Федорова, — 6 октября 1915 г.
7. Исторический архив. Т.IV. 1949. С.360-362.
8. Там же. С.363.
9. Там же. С.364-365.
10. РГВИА. Ф.2003. Оп.2. Д.42. Прилож.6. Л.133-135. Записка-отчет по вопросам интендантского снабжения.
11. Красный архив. 1928. Т.3(28). С.42-43.
12. РГВИА. Ф.2003. Оп.10. Д.707. Л.7.
13. Там же. Л.3. Телеграмма М.В. Алексеева от 30 ноября 1915 г.
14. Красный архив. 1928. Т.3(28). С.18.
15. Кроме нескольких замечаний относительно визита к канцлеру казначейства Р. Мак-Кенна (Исторический архив. Т.IV. 1949. С.377-378).
16. РГВИА. Ф.369. Оп.1. Д.54. Л.171об. Журнал Особого совещания по обороне. 1916. №38. 9 января.

КРЯЖЕВ Юрий Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории.

Дата поступления статьи в редакцию: 16.12.2006 г.

© Кряжев Ю.Н.

ДОСТОЙНЫЙ ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ

И.В.Сталин как Верховный Главнокомандующий в воспоминаниях и оценках его полководцев в годы войны. И.В.Сталин... О нем надо писать, «не ведая ни жалости, ни гнева».

*В истории ничего нельзя вычеркивать,
исправлять или корректировать.
Над ней нельзя смеяться и глумиться,
ее нельзя проклинать или приукрашивать.
Она — данность, как небо, как земля...
Она уже состоялась, уже написана на белом.*

Бичиго

С самого начала Великой Отечественной войны советская власть смогла мобилизовать государственный и общественный потенциал страны на борьбу с врагом. Руководить советскими вооруженными силами было поручено И.В.Сталину. Его роль на этом поприще настолько значима, что он стал символом сражающегося народа. Однако было время в нашей послевоенной истории, когда весь негатив военного лихолетья приписывался Сталину.

Прежде всего, в вину Сталина ставили его упорное противодействие военным подтянуть войска к западным границам, когда война явно стояла у порога страны. Немаловажным фактором этого служило стремление Сталина сделать все возможное, чтобы не спровоцировать войну, не дать Гитлеру никакого повода к нападению, а более всего — не допустить разгром кадровой армии, если нападение будет иметь место. Ход войны неопровержимо показал, что стремление военных добиться сосредоточения основных, кадровых вооруженных сил вдоль неукрепленных новых западных границ было чревато потерей армии. В этих условиях правильным было решение Сталина «не продвижение войск к новым советским границам, а организация глубоко эшелонированной обороны: рассредоточение советских войск на обширной территории до 4,5 тысячи километров по фронту и свыше 400 километров в глубину». Это дало возможность с началом войны провести всеобщую мобилизацию и сорвать гитлеровский план молниеносной войны, организовать стратегическую оборону, ликвидировать преимущество немцев в техническом оснащении войск, а затем — погубить нашествие захватчиков. Это-то и сделал Сталин, спасая армию, а значит — страну.

В ходе войны стало ясно, что Сталин прав. Вот признание Г.К. Жукова: «Гитлеровское командование серьезно рассчитывало на то, что мы подтянем ближе к государственной границе главные силы фронтов, где противник предполагал их окружить и уничтожить. Это была главная цель плана Барбаросса в начале войны». Этого фашистскому командованию сделать не удалось. Немецкий генерал-фельдмаршал фон Бок 15 сентября 1941г. записал в своем дневнике:

«Битва за Киев — блестящий успех, но главные силы русских стоят передо мной не разбитыми». О том же писал американский историк генерал Фуллер: «Скоро выяснилось, что русские расположили вдоль границ не все свои армии, как думали немцы... Сами немцы совершили грубейший просчет в оценке русских резервов».

Небезызвестный В.Б. Резун(Суворов) сожалеет, что «удар Германии был сильным, но не смертельным. Сталин от удара оправился». И еще признание. После разгрома первого эшелона войск Красной Армии германские части «внезапно столкнулись с новыми дивизиями, о существовании которых германские командиры даже и не подозревали». Это начал осуществляться замысел Сталина. Фашисты столкнулись с Красной Армией, выдвигавшейся из глубины страны, чтобы дать отпор захватчикам.

И.В.Сталин и Великая Отечественная война 1941-1945гг. — не делимы. Но пришло время и народ в одночасье узнал, что победили мы в этой войне «не благодаря, а вопреки Сталину». Оказалось, что «мы единственная в мире страна, где есть не только могила неизвестного солдата, но и могила неизвестного Верховного Главнокомандующего». Надо ли напоминать, как унизились духом народ-победитель перед другими народами и перед собою за неизвестного «бездарного» Верховного Главнокомандующего, без воли которого не проходила ни одна значительная военная операция и под руководством, которого была достигнута Победа. Не было в стране более авторитетного человека во время войны, чем Сталин. Народ и армия как должное восприняли его назначение Верховным Главнокомандующим, потому что доверяли ему.

Деятельность Сталина не ограничилась в годы войны должностью Верховного Главнокомандующего. Если сталинские полководцы занимались лишь проблемами войны, то как армию накормить, обути, одеть и вооружить — об этом у них «голова не болела». Этим занимался Государственный комитет обороны, который возглавлял Сталин. Генералы были избавлены от забот о производстве танков, самолетов, боеприпасов. Все это контролировал Сталин, как и вопросы мобилизации и доставки пополнений на

фронт. Генералитет не занимался дипломатической работой во время войны, где сталкивались интересы государств и наших союзников. Всем этим руководил Сталин. Его дипломатия сберегла десятки тысяч жизней советских солдат. Надо согласиться с Робертом Балахшиным, который высказывает суждение о том, что общий ход войны не представляли ни Жуков, ни начальник Генерального штаба. Сталин знал многое из того, что Жуков не знал, ему этого знать было не положено. Ноша на плечах Сталина была неимоверно тяжела. Чтобы заниматься многогранной деятельностью и держать в поле зрения не только ход войны, но и народное хозяйство страны, дипломатическую работу, стратегическую разведку по всему миру, нужна была железная воля, незаурядный ум. Без этой титанической деятельности Сталина «все усилия маршалов ушли бы, как вода в песок».

В первые дни войны Сталин не стал выступать по радио с обращением к советскому народу, не выяснив обстановки на фронтах сражений. «Он не хотел выступать первым, - вспоминал В.М.Молотов. Нужно, чтобы была ясная картина... Как политик он должен был выждать и кое-что посмотреть, ведь у него манера выступления была очень четкая, а сразу сориентироваться, дать четкий ответ было невозможно. Он сказал, что подождет и выступит, когда прояснится положение на фронтах...» Это ему надо было для того, чтобы определить перспективу страны на будущее и «не оказаться вынужденным потом брать свои слова обратно. Это была государственная целесообразность такого решения».

Много сказано о растерянности Сталина в первые дни войны, когда, согласно дневнику записи приема у Сталина, 22 июня 1941г. заседания у него длились непрерывно одиннадцать часов, начиная с пяти часов утра. «Представить себе Сталина в первую неделю войны совершенно растерявшимся и выпустившим из рук управление страной, - пишет К.М.Симонов, - я просто не могу».

Сталин включился в работу на новом посту Верховного Главнокомандующего Вооруженными силами страны сразу же, но он, замечает А.М.Василевский, «не обладал в полной мере военными знаниями, какие требовались в области современного оперативного искусства...Сказывалось недостаточность оперативно-стратегической подготовки Сталина. Да и сам он сначала мало советовался с работниками Генштаба, командующими фронтами. В то время «решения, как правило, принимались им единолично». Но он знал процесс советского военного строительства и развития военного дела, у него был опыт гражданской войны. Однако решающим, полагаю, является громадный политический авторитет Сталина, доверие к нему народа, Вооруженных сил...»

Со второй половины Великой Отечественной войны, как считали Г.К.Жуков, А.М.Василевский, К.К.Рокоссовский, «Верховный руководил войсками вполне квалифицированно, он является самой сильной и колоритной фигурой стратегического командования. Успешно осуществлял руководство фронтами, всеми военными усилиями страны и был способен оказывать значительное влияние на руководящих политических и военных деятелей союзных стран по войне».

Главный маршал авиации А.Е.Голованов, работавший непосредственно под руководством И.В.Сталина, утверждает, что ни одна операция и ни одно сколько-нибудь серьезное мероприятие «никогда и нигде не проводилось без санкции, без доклада Верховному. Он твердой рукой руководил проводимыми опе-

рациями фронтов». Контроль, за ходом отданных Верховным распоряжений и указаний, был «с его стороны повседневно...и спрос был суров». Спрос со всех был одинаков «невзирая ни на чины, ни на занимаемую должность... он, не стесняясь, указывал каждому на сделанные просчеты или ошибки». Это касалось и командиров фронтов и армий, это касалось «и начальника Генерального штаба А.М.Василевского и заместителя Верховного Главнокомандующего Г.К.Жукова».

В первые месяцы войны Ставка под руководством Сталина стремилась сдержать натиск противника. Отступая, Красная Армия оборонялась и контратаковала. Именно в период отступления фашистам был нанесен ощутимый урон. Это признавал и противник. Немецкий генерал-майор фон Бутлер писал о сражениях с Красной Армией: «Это был противник со стальной волей, который безжалостно, но и не без знания оперативного искусства бросал свои войска в бой...Русские держались с неожиданной твердостью и упорством, даже когда их обходили и окружали». Если бы не это упорство, не героизм армии и преданность ее бойцов своему Отечеству, нас ожидало бы «огромное гетто, контролируемое германской администрацией, если бы мы в 1941 году, захлебываясь кровью и на ходу учаь воевать, не выполнили бы «сумасшедших распоряжений» советской власти, в общем - то, сводившихся к тому, что лучше умереть стоя, чем жить на коленях». Сталин требовал остановить врага любой ценой. Вот почему К.Симонов в стихотворении «Суровая годовщина» Сталину посвящает такие слова:

Ни жертвы, ни потери, ни страданья
Народную любовь не охлаждают.

Были приказы Верховного и иного характера. В сентябре 1941 г. сложилась тяжелая обстановка под Одессой. Без свежих боевых сил фронт мог не выдержать. Командование обороной Одессы в эти критические дни получает телеграмму Верховного Главнокомандующего И.В.Сталина: «Передайте просьбу Ставки Верховного Главнокомандования бойцам и командирам, защищающим Одессу, продержаться 6-7 дней, в течение которых они получат подмогу в виде авиации и вооруженного пополнения. И.Сталин». «Мы не раз получали от старших начальников телеграфные приказы, вновь и вновь повторялось требование «Ни шагу назад!». Но такой телеграммы, - вспоминал Маршал Советского Союза Н.И.Крылов, - я еще не видел...и в дальнейшем Верховное Главнокомандование к войскам, где я служил, не обращалось в такой форме. Ставка ничего не приказывала. Ставка просила защитников Одессы продержаться еще неделю, обещая прислать за это время помощь. Верховное Главнокомандование нашло верный способ морально поддержать защитников Одессы. Такая просьба значила больше, чем любой приказ... Люди как-то приободрились, воодушевились... Подмога стала прибывать раньше указанных сроков».

В других случаях Сталин был непреклонен. Когда член Военного Совета Военно-Воздушных сил Западного фронта генерал Степанов по поручению командования фронта поставил перед Сталиным вопрос о том, чтобы перенести штаб Западного фронта из Перхушково за восточную окраину Москвы, в район Арзамса, Сталин ответил: «Возьмите лопаты и копайте себе могилы. Штаб Западного фронта останется в Перхушково, а я остаюсь в Москве». В критические дни октября-ноября 1941г. Сталин сказал «Остаюсь с русским народом в Москве. Будем стоять насмерть». В период битвы под Москвой он все вре-

мя был в Москве, организуя силы и средства для разгрома врага, - «своей жестокой требовательностью он добивался, можно сказать, почти невозможного».

И.В.Сталин требовал безусловного выполнения боевой задачи. «За время войны мною было хорошо усвоено, - писал начальник Главного артиллерийского управления РККА Н.Д.Яковлев, - все, что решил Верховный, никто уже изменить не сможет» Самовольства Сталин не терпел. 22 июля 1942 г. заместитель Наркома обороны Е.А.Щаденко из Сталинграда военный округ перевел в Астрахань. Узнав об этом Сталин позвонил секретарю Сталинградского обкома ВКП/б/ А.С.Чуянову и сказал, что Сталинград мы врагу не сдадим, а командующему округом просил передать, чтобы штаб округа он вернул в Сталинград, иначе все не выполнившие приказа будут строго наказаны. Интересы дела диктовали эти строгие меры. В эти дни и появился знаменитый приказ 227 от 28 июля 1942 г. Согласно приказу вводились жесткие меры борьбы с паникерами и нарушителями дисциплины, осуждались «отступательные» настроения. Требование для действующих войск было одно - «Ни шагу назад!».

В приказе говорилось, что «некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке...Такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам. . . Наши средства не безграничны, территория Советского государства - это не пустыня, а люди - рабочие, крестьяне, интеллигенция - наши отцы, матери, жены, братья, дети...Отступать дальше - значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности».

Приказом предусматривалось снимать командующих армиями, командиров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск. Эти меры применялись и к командирам и комиссарам полков и батальонов за оставление солдатами без приказа боевых позиций. Вводились штрафные батальоны и разрабатывались отряды.

Приказ доводился до сведения войск «усиленной партийно-политической работой», На разъяснение его смысла в войска выехали члены ЦК ВКП/б/, общественные деятели. Разъясняли приказ все политработники в войсках. И результат оказался — на Сталинградском направлении «резко возросла стойкость нашей обороны и повысился моральный дух войск, окреплись единоначалие и авторитет командного состава» Что же касается жестокости и категоричности требований приказа, то «они шли от имени Родины и народа». Надо согласиться с такой оценкой приказа, данной Маршалом Советского Союза А.М.Василевским.

Сталин не прощал «малейшего вранья или попытки скрыть действительность», не прощал ошибок генералов. В ноябре 1943 г. был снят с должности начальник штаба 1-го Украинского фронта за то, что тот не донес о захвате противником крупного населенного пункта. В 1943 г. на Воронежском фронте немцы прорвали фронт, захватили Харьков, развернули наступление на Белгород. Сталин отстранил от должности командующего Воронежским фронтом генерала Ф.Голикова. Тот пожаловался на несправедливое решение. Сталин вызвал его в Кремль и в присутствии К.К. Рокоссовского, командующего Брянс-

ким фронтом (он был с докладом у Верховного) указал, в чем была вина Ф.Голикова, который заявил, что командовать ему мешал представитель Ставки. «Но командующим фронтом были вы? —спросил Сталин. -Да,я. - Это вам партия и правительство доверили фронт. ВЧ у вас было?. - Было. - Почему же не доложили хотя бы раз, что вам мешают командовать? - Не осмелился жаловаться на вашего представителя.

- Вот за то, что не осмелились снять трубку и позвонить, а в результате провалили операцию, мы вас и наказали...».

Когда были введены представители Ставки в войсках, им было «разрешено передвигаться по своему усмотрению только в пределах фронтов, координировать действия которых они были обязаны. Для выезда на другие нужна была специальная санкция Верховного. Это было оправдано интересами оперативного руководства вооруженной борьбой. Верховный Главнокомандующий очень внимательно следил за ходом фронтовых событий, быстро реагировал на все изменения в них и твердо держал управление войсками в своих руках», Сталин хорошо представлял обстановку на фронтах войны, и просьбы о помощи, как правило, осуществлялись в кратчайшее время. Адмирал А.Г.Головко на приеме у Сталина «просил о кораблях противолодочной обороны и самолетах дальнего действия для той же цели. Самолеты выделим теперь же, кораблей добавим в скором времени — разных классов, обещал Сталин. Я вышел из кабинета Сталина с чувством удовлетворения: фронту была обещана помощь... А в том, что обещание будет выполнено, сомневаться не приходилось». Генерал М.Е.Катуков в мемуарах «На острие главного удара» пишет о встрече с И.В.Сталиным и напоминает нынешнему читателю, что «тогда для нас, фронтовиков, имя Сталина было окружено безграничным уважением. С этим именем связывалось все самое священное - Родина, вера в победу, вера в мудрость и стойкость нашего народа». «Сталин для всех нас был величайшим авторитетом, никто тогда и не думал сомневаться в его суждениях и оценках обстановки»- вторит М.Е. Катукову Г.К.Жуков.

В критике военной деятельности Сталина нередко упор делается на единоличное решение им военных проблем. Это проявилось, по утверждению А.М.Василевского, лишь в первые дни войны. Обстановка была сложной и реагировать на ее изменение требовалось незамедлительно. В дальнейшем, как Верховный Главнокомандующий, Сталин не решал важные вопросы войны единолично, хорошо понимая необходимость коллективной работы в этой сложной области. Он «признавал авторитеты по той или иной военной проблеме, считался с их мнением». Все решения, принимаемые Верховным предварительно обсуждались или «оговаривались с большой группой товарищей, имевших отношение к принимаемому решению или знающих обсуждаемый вопрос». Для принятия важных решений или директив в Ставку вызывались «начальник Генштаба, представители Ставки, нарком ВМФ, командующий фронтом или армией». С ними и советовался Сталин.

Последнее слово в обсуждаемых и решаемых вопросах принадлежало Верховному, но «он не противопоставлял свои мнения большинству, по ряду вопросов с некоторыми военными товарищами не бывал согласен и решал вопросы в пользу интересов дела, за которые высказывалось большинство».

Из военных чаще всего у Верховного бывали командующие фронтами и армиями. Но «несколько раз, - вспоминал адмирал Н.Г.Кузнецов, - в Ставке я

видел рядовых -летчиков, танкистов, артиллеристов. Сталин попытывался, как они относятся к новым образцам оружия, поступающим на фронт». Интересовался он мнением воинов по разным вопросам фронтовой жизни и непосредственно в войсковых подразделениях. В октябре 1941 г. на окраине Симферополя старший лейтенант Т.Н.Небоженко, командир дивизиона «катюш», разговаривал с И.В. Сталиным по телефону. Верховный Главнокомандующий лично интересовался итогами первых залпов «катюш» под Одессой: «Товарищ Небоженко, в каком состоянии находится ваш дивизион? Какие вы испытываете трудности? Какая вам нужна помощь? Каково настроение личного состава?». Я доложил, что материальную часть сохранил, но две установки, выведенных из строя в боях, вынужден был подорвать, чтобы секретное оружие не досталось противнику. Он одобрил мои действия: «Вот это молодец! Вот это молодец! Благодарю вас за грамотное и самоотверженное командование дивизионом. Передайте мою благодарность личному составу дивизиона». Сталин «был для нас все равно как Бог, отмечает Небоженко. Его авторитет был настолько велик, что упоминание его имени в окопах, на передовой вызывало сразу «Ура!». Когда я приехал в дивизион и сообщил комиссару Николаю Яковлевичу Ильину, что я разговаривал со Сталиным, так он заплакал. В тот же день провели митинги побатарейно. «Ура!» гвардейцы кричали так, что кажется слышала вся Вселенная - настолько это было душевно, честно и правдиво».

А.М.Василевский о Сталине пишет как о «суровом, волевом военном руководителе». Он обладал «не только огромным природным умом, но и удивительно большими познаниями. Его способность аналитически мыслить приходилось наблюдать во время заседания Политбюро, ЦК партии, Государственного комитета обороны и при постоянной работе в Ставке...Когда кончится обсуждение, четко формулирует выводы, подводит итог. Его заключения являлись немногословными, но глубокими по содержанию и, как правило, ложились в основу постановлений ЦК партии или ГКО, а также директив или приказов Верховного Главнокомандующего».

Действительно ли Сталин являлся выдающимся военным мыслителем в области строительства Вооруженных сил и знатоком оперативно-стратегических вопросов? Доверимся Г.К.Жукову. Он пишет, что «Сталин всегда много занимался вопросами вооружения и боевой техники. Надо ему отдать должное, он неплохо разбирался в качествах основных видов вооружения. Сталин владел вопросами организации фронтовых операций и операций групп фронтов и руководил ими с полным знанием дела, хорошо разбирался и в больших стратегических вопросах. Он умел найти главное звено в стратегической обстановке и, ухватившись за него, оказать противодействие врагу, провести ту или иную крупную наступательную операцию... В период стратегического наступления Советских вооруженных сил Сталин «проявил все основные качества советского полководца, Несомненно он был достойным Верховным Главнокомандующим». Его военный талант «несравним ни с кем не только из наших военных деятелей, но и с любым военным или государственным деятелем капиталистических стран, в том числе и военных деятелей фашистской Германии. В тактике стратегии - равно ему не было» У.Черчилль как-то разъяснял Сталину военную операцию «Торч», которую англичане готовились провести — «Сталин, по-видимому, внезапно оценил стра-

тегические преимущества «Торч»...Это произвело на меня глубокое впечатление и показало, что русский диктатор быстро и полностью овладел проблемой, которая до этого была новой для него. Очень немногие из живущих людей смогли бы понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он все понял молниеносно».

Высоко ценили военную деятельность Сталина и другие представители капиталистических стран, иностранцы высокого ранга, наши союзники, в том числе и враги. Гитлер о Сталине говорил, что сила русского народа состоит не в его численности, а в его способности порождать личности масштаба Сталина. По своим политическим и военным качествам Сталин намного превосходит и Черчилля, и Рузвельта. Это единственный мировой политик, достойный уважения.

Советское военное искусство в годы войны было значительно выше военного искусства хваленной на Западе немецко-фашистской военной школы. Вот признание генерала Манштейна после битвы под Курском. По сути, он сделал комплимент Ставке Красной Армии: «Мы, конечно, не ожидали от советской стороны таких больших организаторских способностей, которые она проявила в этом деле, а также в развертывании своей военной промышленности. Мы встретили поистине гидру, у которой вместо одной отрубленной головы вырастали две новые»

Франц Гальдер, бывший одно время, с сентября 1938 г. по сентябрь 1942 г., начальником Генерального штаба германских сухопутных войск дал советскому военному искусству высокую оценку: «Исторически небезынтересно исследовать, как русское военное руководство, потерпевшее крушение со своим принципом жесткой обороны в 1941 г., развивалось до гибкого оперативного руководства и провело под командованием своих маршалов ряд операций, которые по немецким масштабам заслуживают высокой оценки, в то время как немецкое командование под влиянием полководца Гитлера отказалось от оперативного искусства и закончило его бедной по идее жесткой обороной, в конечном итоге приведшей к полному поражению... Над этим периодом в качестве приговора стоит слово, высказанное русской стороной в процессе резкой критики действий немецкого командования: порочная стратегия, Этого нельзя опровергнуть».

Красная Армия за годы войны получила превосходный офицерский корпус. Подготовка военных кадров в то время велась в 30 высших военно-учебных заведениях, 220 военных училищах, более чем на двухстах курсах. За годы войны было подготовлено около двух миллионов офицеров. Их военное мастерство росло на полях сражений. К концу войны наши Вооруженные силы имели в своих рядах 5 597 генералов и адмиралов, 14 маршалов и главных маршалов родов войск, двух адмиралов флота, 12 маршалов Советского Союза.

18 марта 1945 г. Йозеф Геббельс, идеолог фашизма, записал в своем дневнике: «Мне предоставлено генштабом дело, содержащее биографии и портреты советских генералов и маршалов. Эти маршалы и генералы почти все не старше 50 лет. С богатой политико-революционной деятельностью за плечами, убежденные большевики, исключительно энергичные люди, и по их лицам видно, что они народного корня... Словом приходится прийти к неприятному убеждению, что военное руководство Советского Союза состоит из лучших, чем наше, классов...» Признание говорит само за себя. Война показала превосходство Верховного Главнокомандования и советского военного искусства над концепциями гитлеровских зах-

ватчиков. Это тем более значимо, что «ни одно правительство, когда-либо созданное людьми, не могло бы вынести удара, столь жестокого и беспощадного, какой Гитлер обрушил на Россию».

Отдавая должное Сталину, А. Керенский писал, что он «сделал Россию великой державой. Разгромил Гитлера. Спас Россию и человечество» Чтила Сталина в это суровое время и Православная церковь. Христосфор, патриарх Александрийский, полагал, что «маршал Сталин, Верховный Главнокомандующий, под руководством которого ведутся военные операции в невиданном масштабе, имеет на то обилие божественной благодати и благословения». Патриарх Московский и Всея Руси Алексей был убежден, что «в силе Сталина наш народ ощущал собственную силу».

В разгроме фашистской Германии неоспорима заслуга советского народа, но в то же время надо отдать должное полководческой и политической деятельности И. В. Сталина, который в годы войны стоял во главе государства и его Вооруженных сил.

Библиографический список

1. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969.
2. Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1988.
3. Рокоссовский К.К. Солдатский долг. Мн. 1984.
4. Крылов Н.И. Не померкнет никогда. М., 1984.
5. Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1981.
6. Кузнецов Н.Г. Курсом победы. М. 1975.
7. Головкин А.Г. Вместе с флотом. М., 1984.
8. Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991.
9. Полководцы. М., 1995. и др.

ПОРХУНОВ Георгий Арсентьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, социологии, политологии.

Дата поступления статьи в редакцию: 23.01.2007 г.

© Порхун Г.А.

УДК 623/624

О.С. МАЛИНИНА

Марийский государственный университет

СОТРУДНИЧЕСТВО ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Изложен процесс сотрудничества финно-угорских народов России в области культуры, науки, средств массовой информации, образования и общественно-политической сфере. Установлено, что данный процесс направлен на сохранение традиций, культуры, языков этих народов. Для решения общих задач были созданы общие институты их реализации, что говорит о том, что сотрудничество приобрело организационные формы. Показано, что на современном этапе необходимо более эффективное сотрудничество с местными и центральными органами власти. Библ. 5.

В статье рассмотрен опыт сотрудничества финно-угорских народов России в 1989-2006 гг.¹. Верхняя временная граница совпадает с активизацией массовых общепинноугорских мероприятий, началом активной пропаганды финно-угорского родства, основанного на общности языка, истории и культуры. Учитывая то, что процесс взаимного сотрудничества идет по настоящее время, исследование ограничивается временем до 2006 года.

Данный процесс получил развитие в конце 1980-х годов. Тогда, на волне подъема национального и этнического самосознания в бывших республиках СССР, в том числе и финно-угорских, связанного с началом «перестройки» и «гласности» в советском обществе, по инициативе национальной интеллигенции стали укрепляться финно-угорские связи в сфере науки, культуры, перераставших в общественно-политические отношения на государственном уровне. Задачей начавшегося сотрудничества финно-угорских наро-

дов стало - объединенными силами «противостоять процессам ассимиляции и устранить угрозу потери национальных языков, а также защита прав коренных народов, национальных меньшинств» [1]. Ведь долгое время проживающие в Российской Федерации и находящиеся под ее юрисдикцией финно-угорские народы, как и десятки других нерусских народов и этнических меньшинств, в течение длительного времени «были интегрированы в общую социальную, экономическую, политическую, культурно-идеологическую жизнь, что негативно сказывалось на развитии этих народов» [2].

Вопросы совершенствования национальных отношений, укрепления родственных связей и сотрудничества, взаимопомощи народов всегда привлекали и привлекают внимание общественности. Движение сотрудничества финно-угорских народов явилось частью всего общественно-политического движения России на современном этапе, характер-

¹ К финно-угорским народам России относятся удмурты, коми, марийцы, мордва, ханты, манси, карелы, вепсы, водь, саамы. Последние постоянно проживают и в Норвегии, Швеции, Финляндии.

ного прежде всего своим содержанием, появлением как новых явлений в виде «неформального движения», так и восстановлением многообразия политических партий, общественных объединений, национальных движений.

Проблема изучения финно-угорского движения имеет также важное значение для знакомства с современным, сложным и емким понятием «финно-угорский мир», вызывающим в последнее время активный интерес и внимание со стороны ученых, политиков, общественных деятелей. Знакомство с причинами, побуждающими финно-угорские народы интенсивно искать основу для консолидации, позволяет выявить наиболее важные проблемы в данной языковой группе.

В рассматриваемый период особое значение приобрело расширение культурных контактов и обменов, которое создало основу для финно-угорского сотрудничества и подтолкнуло к консолидации и в других сферах. В первую очередь, оно выразилось: 1) в проведении массовых культурных мероприятий, направленных на сохранение самобытных культур: фестивалей фольклора, национальных театров, детских лагерей отдыха, писательских встреч, этнофутуристических выставок, праздновании Дней родственных народов; 2) в сотрудничестве через фонды, общества, целью которых стала помощь родственным народам и их культурам; 3) организации конференций, семинаров в области культуры, образования, СМИ. Успехом на этом направлении стала жизнеспособность начатых мероприятий, что выразилось в установлении традиций в их проведении, а также в создании информационного пространства: информирование о деятельности и проблемах движения идет через электронные средства массовой информации.

При этом все же необходимо признать факт отсутствия в процессе культурного сотрудничества важнейшего элемента финансирования, прежде всего спонсорства. По этой причине остаются низкими тиражи изданий на национальных языках, техническая оснащенность СМИ, которые не пользуются высокой популярностью среди населения и рекламодателей. Отсутствуют активная работа по пропаганде необходимости изучать родные языки среди широких слоев населения и более эффективное сотрудничество, как с региональной, так и центральной властью. Сложную ситуацию с языками можно объяснить и процессами деэтнизации, которые характерны для российских финно-угров в последние годы и которые до сих пор не остановлены.

Объединенные усилия представителей родственных народов, направленные на поднятие престижа, сохранение и развитие национальных языков, способствуют сотрудничеству в области образования. Положительным результатом этого сотрудничества стало открытие в финно-угорских регионах России национальных школ. При университетах стали открываться финно-угорские факультеты, кафедры, которые стали оказывать помощь школам в составлении учебников, хрестоматий на родном языке, разработке важных курсов и предметов для будущих преподавателей. Однако наличие негативных факторов, влияющих на развитие родных языков, «уменьшение престижа языка с точки зрения говорящего, отрицательное отношение к языку и/или к говорящим на нем и связанный с этим отказ родителей обучать родному языку» [3] послужили причиной поиска новых решений по усилению мотивации и повыше-

нию требовательности в процессе обучения родным языкам.

Процесс повышения национального самосознания привел к заметному повышению внимания общества к своей культуре и языку, к истории и современному состоянию народа. Результатом стало «широкое равноправное с лингвистикой включение и других наук в комплекс финно-угроведения» [4]: этнологии, фольклористики, искусствоведения, истории и культурологии и др. Примечательно, что кроме научных проблем, на конгрессах ученых-финно-угроведов обсуждаются вопросы практического использования научных разработок в учебном процессе в средней и высшей школе. Материалы конференций, конгрессов финно-угроведов являются кроме этого существенным вкладом как в отечественное так и в международное финноугроведение.

Начиная с 1992 г., финно-угорская российская общественность ощутила потребность в более широком общественно-политическом сотрудничестве. Прежде всего, это было связано с тем, что центральные органы власти России не выработали нормативные законодательные акты, касающиеся статуса коренных народов (титульных народов), разграничения полномочий центра и регионов, представительства коренного населения в федеральной и местной власти. Этому также способствовала выявившаяся неспособность союзной политики решить проблему национальных языков, хотя такие попытки и предпринимались на XIX конференции КПСС, I съезде народных депутатов СССР, Сентябрьском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС. Первый шаг к объединению общественных сил родственных народов был сделан в феврале 1992 г. в г. Сыктывкаре, активная роль в этом процессе принадлежала Комитету возрождения коми народа, «деятельность которого была направлена на развитие международных связей республики в рамках финно-угорского сообщества» [5]. В течение 1992 г. Комитетом были предприняты усилия, направленные на создание Ассоциации финно-угорских народов, которая была оформлена в мае 1992 г. Однако надежда на нее не была оправдана - активную деятельность она не проявила. Следующее ее заседание состоялось лишь через пять лет, в июле 1995 г., а третье - только в августе 2005 г. На последнем ее заседании был поднят вопрос о необходимости иметь федеральную программу развития финно-угорских народов и возрождения органа исполнительной власти - Министерства национальной политики.

15-16 мая 1992 г. в г. Ижевске (Удмуртия) состоялся Всероссийский съезд финно-угорских народов, который внес предложение о необходимости созыва Всемирного конгресса финно-угорских народов и «обратился к парламентам и правительствам России, Венгрии, Финляндии, Эстонии и других государств, где проживают финно-угорские народы, с предложением принять участие в его подготовке и проведении» [6].

Проведение в декабре 1992 г. (г. Сыктывкар, Р.Коми) объединяющего конгресса явилось свидетельством большой самостоятельности, возможности отдельных регионов как в организации подобных международных встреч, так и в осуществлении собственной национальной политики. Выведение обсуждения актуальных вопросов на международный уровень показало насколько острыми они были на тот период. Деятельность Консультативного комитета как исполнительного органа конгресса была на-

правлена на налаживание контактов с международными организациями, с российскими властями. Комитет с июня 1993 г. стал принимать участие в подготовке документов на заседаниях международных организаций, в том числе и ООН, по правам коренных народов. Учитывая важность финно-угорской проблематики в возрождении и развитии народов России, Правительство Российской Федерации приняло решение в 1993 г. о разработке федеральной концепции государственной программы национального возрождения и развития финно-угорских народов России и поручило эту работу Министерству РФ по делам национальностей и региональной политике. Проект программы в конце 1997 г. был представлен Миннацем России в Экспертный совет при правительстве страны, затем он возвращался на доработку. Однако с 2001 г. Министерство перестало существовать и до настоящего времени программа не реализована.

Итогом деятельности четырех конгрессов (1992, 1996, 2000, 2004 гг.) стало признание необходимости создания крупных проектов по разным направлениям, приближения подобного рода проектов к реальной жизни с привлечением разных представителей финно-угорского сообщества, так как решения конгрессов зачастую реализуются с большим трудом. Поэтому у определенной части финно-угорской интеллигенции складывается мнение, что деятельность Консультативного комитета и Ассоциации финно-угорских народов не эффективна, а проведение их съездов становится формальным.

Такие мнения можно считать справедливыми, если учесть тот факт, что ситуация с языками не изменилась, не реализуется программа развития финно-угорских народов, ухудшилось социально-экономическое положение населения на финно-угорских территориях, сохраняется тенденция сокращения числа национальных школ и часов, отведенных на изучение родного языка.

Таким образом, на современном этапе финно-угорским народам России необходим более тесный конструктивный диалог с местными и центральными органами власти. В свою очередь, государство имеет юридические и моральные обязательства перед настоящим и будущим поколениями за сохранение и развитие культурного наследия всех народов и этносов, проживающих на его территории. Важно добиваться в новых условиях, чтобы национальная политика демократического государства соответствовала прежде всего опыту гражданского общества в деле укрепления дружбы народов, единства России. Необходимо, чтобы целевые программы содержали механизм непосредственного участия народа в процессе собственного «возрождения и развития». Осуществляемые государственной властью и отдельными представителями нации, они рискуют превратиться в формальное мероприятие, которое не сможет удовлетворить насущных потребностей того или иного этноса. Необходимо также иметь федеральную программу развития финно-угорских народов. А для этого необходимо возродить орган исполнительной власти — Министерство национальной политики.

В связи с этими данными материалы, выводы, рекомендации диссертации имеют практическое значение для развития и совершенствования организационных форм сотрудничества финно-угорских ученых, деятелей культуры, общественных и политических деятелей национальной политики.

Опыт сотрудничества финно-угорских народов может являться положительным примером для других родственных народов России, в связи с этим работа приобретает федеральное значение.

Выводы, полученные автором, могут быть использованы в качестве пособия при анализе вопросов научного, культурного сотрудничества, деятельности международных финно-угорских организаций в области реализации прав коренных народов в условиях глобализации, а также в учебном процессе при чтении лекций и проведении семинарских занятий по дисциплинам «История финно-угорских народов», «Культура финно-угорских народов» в Марийском государственном университете и других вузах.

По мнению автора, научная новизна и результаты исследования диссертации определяются неразработанностью темы в современной историографии и заключаются в том, что в ней вводится в научный оборот целый комплекс документов финно-угорских общественных фондов, конгрессов, а также законодательных актов, принятых в Российской Федерации, в финно-угорских регионах, международными организациями по проблемам сохранения и развития национальных культур и языка. Кроме этого в нем предпринята попытка на основании собранного материала выявить позитивные и негативные тенденции финно-угорского движения, провести системный анализ и разработку направлений сотрудничества между финно-угорскими народами.

Библиографический список

1. Декларация финно-угорских народов о целях и задачах сотрудничества / Финно-угорский мир. - Будапешт — Москва. - 1996. - С.178.
2. Сануков К. Финно-угорские народы: прошлое и настоящее / К. Сануков // Сородичи по языку / Под ред. Д. Нановски. - Будапешт, 2000. - С.170.
3. Отчет о деятельности Консультативного комитета финно-угорских народов за 2000-2004 гг. // Марий чанг // 2004. - №4.
4. Сануков К.Н. Финно-угры и финно-угроведение: новые горизонты / К.Н. Сануков // Финно-угроведение. — 1994. - №1 - С. 4.
5. Нестерова Н.А. Государственная национальная политика в Республике Коми в конце 1980-х - 1990-е годы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н.А. Нестерова. - С., 2000. - С.19.
6. Сий Э. Очерк истории и важнейшие документы Всемирного конгресса финно-угорских народов / Э.Сий // Сородичи по языку / Под ред. Д. Нановски. - Будапешт, 2000. - С.422.

МАЛИНИНА Ольга Сергеевна, преподаватель кафедры региональной истории.

Дата поступления статьи в редакцию: 14.02.2007 г.

© Малинина О.С.

ИЗ ИСТОРИИ КИТАЙСКОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В 1950-е гг.

Основываясь на неопубликованных архивных данных, автор в своей статье обращается к истории трудовой миграции из КНР в Советский Союз. Как выясняется в свете новых архивных данных, данный факт имел место в отношениях двух стран в указанный период. Ранее полагалось, что достигнутая по этому поводу в 1954 г. договорённость о наборе китайских рабочих для строительных нужд Дальнего Востока и Сибири так и не была реализована.

Данное обращение на современном этапе позволяет нам реально ощутить принципиальную разницу и подход властей к решению данного вопроса.

В традиционной модели приграничного сотрудничества не последнее место, наряду с торговлей, занимают трудовые (легальные и нелегальные) миграции.

История китайской трудовой миграции в нашу страну насчитывает уже не одно столетие. За это время наблюдалось несколько волн привлечения китайских работников. Они происходили в те года, когда в стране, и в частности в Дальневосточном регионе, ощущалась острая нехватка в рабочей силе. Исход таких волн миграции заканчивался всегда почему-то не в пользу китайских работников. Но связано это было не с какими-либо качественными характеристиками привлекаемой рабочей силы, а со складывающейся политической обстановкой, которая впрочем, отличалась крайней нестабильностью в отношении китайцев и менялась от лояльности до полной нетерпимости.

Таким образом, несмотря на многолетнюю историю китайской трудовой миграции, она, по сути, носит временный характер.

Использование труда китайской рабочей силы прослеживается ещё в начале XX в. Именно в этот период, на мой взгляд, отношения между приграничным населением двух стран носили наиболее дружеский и добрососедский характер. Связи и формы сотрудничества были многогранны, но всё же основное место в них занимали торговля и повсеместное использование неприхотливых китайских работников.

Приток китайской рабочей силы привёл к появлению в Приамурье и Приморье китайских отходников. Китацами был внесён определённый вклад в промышленное освоение тогда ещё российского Дальнего Востока. С помощью китайской дешёвой рабочей силы в Приамурье и Приморье велось строительство городов, дорог, разработка приисков и т.п. Им доставалась самая тяжёлая и неквалифицированная работа.

С приходом советской власти на Дальний Восток, политика отношения к иностранной рабочей силе претерпела кардинальное изменение. В 1932 г. была проведена перепись иностранцев, находящихся в этом регионе. В результате было выявлено, что около 35 % общей численности местного населения составляли корейцы (23,8%) и китайцы (11,3% или 38,7 тыс. чел.)¹. При этом основная масса китайцев, в отличие от корейских работников, концентрировалась в городах. В их составе преобладало явно мужское население, что служило косвенным доказательством

временного характера пребывания китайцев на сопредельной территории.

Таким образом, в первые годы советской власти процесс китайской миграции на советский Дальний Восток сохранялся в прежнем виде. Характер таких отношений, сложившихся между двумя странами был прерван началом японской оккупации Маньчжурии в 1933 г., а с началом репрессий на Дальнем Востоке в 1937 г. был в корне изменён. Корейское и китайское население, проживающее на территории Советского Союза, было признано неблагонадёжным и подлежало насильственному выселению в районы Средней Азии и Казахстана. Первоначально, в соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП (б) от 21 августа 1937 г., депортации подлежали лишь корейцы и китайцы, проживающие в приграничных районах. Но в итоге была проведено поголовное переселение.

Всех лиц китайской национальности, проживающих в Хабаровском крае, Правительство СССР решило выслать в Китай. В принудительном порядке они были собраны в Хабаровске для дальнейшей транспортировки на Родину. В течение нескольких дней граждане Китая были вынуждены жить на вокзале, ожидая своей отправки. Однако, спустя несколько дней Правительство СССР изменило своё решение о выдворении китайского населения. Не успевшим выехать китайцам, местные власти выделили для компактного проживания 4 района — два в Амурской области (Мазановский и Селемжинский) и два в Хабаровском крае (Кур-Урмийский и Верхнебуреинский).

В 1937 г. Правительство Советского Союза закрыло границу между СССР и Китаем, что окончательно свело на нет все условия для дальнейшего сотрудничества и взаимодействия между населением приграничья двух стран. Таким образом, проблема иностранной рабочей силы была решена окончательно. Во время и после Второй мировой войны о китайской иммиграции не могло быть и речи. Некоторый сдвиг наметился лишь после смерти И.В. Сталина и прихода к власти Н.С. Хрущёва с его политикой «оттепели». Установление нового типа межгосударственных отношений между СССР и Китаем обеспечило условия для налаживания и развития двусторонних отношений.

При этом интересно отметить, что даже в период расцвета «нерушимой» советско-китайской дружбы

в 50-е гг. XX в. граница, несмотря на проведение некоторых показательных мероприятий по укреплению добрососедства, оставалась закрытой, а любая поездка в Китай жителей Дальнего Востока оформлялась и осуществлялась после тщательной проверки органами госбезопасности через Москву.

Вторая волна массового применения китайской рабочей силы относится уже к середине 1950-х гг. К этому времени, несмотря на приграничное соседство, сходство почвенно-климатических и иных условий, в заселении приграничных районов дальневосточного региона СССР и северо-восточных провинций Китая наблюдалось большое различие. В 1957 г. население Северо-Восточного Китая составляло 51,5 млн. чел., из них 14,8 млн. чел. — жители провинции Хэйлунцзян. Тем временем численность населения южной зоны Дальнего Востока достигла к 1957 г. лишь 3,1 млн. чел.² Таким образом, в Китае отмечалось большое количество неиспользованной рабочей силы. Дальний Восток Советского Союза напротив традиционно нуждался в трудовых ресурсах. В связи с увеличением промышленного и сельскохозяйственного производства в Дальневосточном регионе СССР, резко возросла потребность в рабочей силе. Отсутствие видимого эффекта от переселенческой политики, проводимой Правительством СССР на протяжении длительного времени требовало поиска других путей решения данного вопроса.

Одним из выходов в сложившейся ситуации представлялось временное трудоустройство граждан Китайской Народной Республики в СССР. Причём, как отмечает в своих мемуарах сам Н.С. Хрущёв, Мао Цзэдун в ходе беседы по данному вопросу повёл себя как купец, заявив сначала о том, что: «Китайцы не чернорабочие». Однако через два дня он сам вернулся к этому вопросу, предложив необходимое число рабочих³.

Наличие большого количества свободных резервов трудовой силы обуславливалось тяжёлым экономическим положением, сложившимся в Китае в начале 50-х гг. XX в. Количество промышленных предприятий не обеспечивало рабочих мест для населения Китая. По неполным данным в 1953 г. в Китае насчитывалось свыше 200 тыс. частнокапиталистических предприятий, в которых было занято 750 тыс. рабочих и служащих. Из числа этих предприятий к категории крупных можно отнести только 19 тыс. К этой категории относились промышленные предприятия с механическим оборудованием и насчитывающие от 16 и выше рабочих, а также кустарные мастерские, в которых насчитывалось от 31 и более рабочих. По данным на начало 1954 г. из числа этих 19 тыс. предприятий насчитывалось лишь чуть более 5,5 тыс. предприятий, где было занято от 50 и более рабочих и служащих, а предприятий где было занято свыше 100 и более чел. — насчитывалось около 2 тыс., а с количеством от 500 и выше рабочих — 150⁴. Между тем, общее количество населения молодой Китайской республики уже в начале 1950-х гг. превысило 600 млн. чел.

12 октября 1954 г., между находящейся в Пекине советской делегацией во главе с Н.С. Хрущёвым и Правительством КНР была достигнута договорённость о направлении из Китая рабочей силы в Советский Союз. По этой договорённости Совет Министров СССР принял постановление № 92-49 с от 17 января 1955 г. «О наборе в КНР рабочих для участия в коммунистическом строительстве и трудового обучения в СССР». На Главное Управление трудовых резервов при Совете Министров СССР (ГУТР) была

возложена организация работ по набору китайских рабочих на территории КНР и направление набранных работников на предприятия и стройки СССР. Помимо этого в их обязанности входила проверка подготовленности предприятий и строек к приёму и размещению китайских рабочих, правильности их использования и наблюдение за выполнением предприятиями и стройками условий трудовых договоров, заключённых с ними. Для выполнения указанных работ в составе ГУТР было специально создано Управление по набору китайских рабочих в КНР.

Главным Управлением трудовых резервов по согласованию с Госэкономкомиссией СССР и с учётом пожеланий китайской стороны регулярно определялись стройки, куда должны были направляться рабочие, а также сроки их направления⁵.

Так, согласно плану набора на май — июль 1955 г., в Хабаровский край для министерства строительства направлялось 1000 чел. Из них в стройтрест № 6, расположенный в г. Комсомольск-на-Амуре, 500 чел. (в июне — 200, в июле — 300 чел.). В стройтрест № 35 г. Хабаровска также 500 чел. (в июне — 200, в июле — 300 чел.)⁶.

Несмотря на дешевизну и неприхотливость китайских работников, хотелось бы отметить дружелюбное и доброжелательное отношение Советского правительства к ним. В первую очередь это выражалось в организации и создании благоприятных условий для нормальной жизни и работы. Китайцам, заключившим индивидуальный трудовой договор на территории КНР, в пункте набора выдавалось единовременное безвозвратное пособие в размере 200 тыс. китайских юаней, по прибытии к месту работы — 150 руб. в советской валюте. В первый месяц работы выплачивался аванс — 150 руб., оплачивались все расходы по переезду рабочего, обеспечивалось бесплатное питание во время пребывания в сборном пункте и в пути следования, выдавались дополнительно суточные в размере 3 руб. в день.

Как правило, неприхотливые китайцы, прибывшие из регионов с менее суровым климатом, в первую очередь нуждались в тёплых вещах. Поэтому, по прибытии к месту китайским работникам предоставлялась возможность оформления вещей первой необходимости в кредит.

На наёмных рабочих полностью распространялось трудовое законодательство СССР, социальное страхование, пенсионное обеспечение и медицинское обслуживание, а также культурно-бытовое обслуживание и все условия оплаты труда, характерные для советских рабочих. По истечению срока договора, или при расторжении договора по инициативе администрации, им выплачивалась стоимость обратного проезда к месту постоянного жительства в Китайской Народной Республике. Помимо всего прочего китайские рабочие имели право на участие в общественной жизни предприятий, в свободное от работы время на посещение курсов технического обучения и культурно-просветительных учреждений. Им было дано право использовать очередной отпуск с выездом на Родину в КНР, при чём существовала возможность воспользоваться суммарным отпуском за весь период действия договора (как правило, он заключался сроком на три года). Если рабочие изъявляли желание продлить трудовой договор, то им предоставлялось право вызова в Советский Союз из Китая жены или невесты, а также своих детей. Затраты по переезду в этом случае, оплачивались советским предприятием, на котором трудился китайский рабочий. Дополнительно в оплату входили расходы на перевоз багажа весом до 70 кг на одну семью и суточные из расчёта 5 руб. в сутки за

время нахождения в пути по СССР⁷. Отправка рабочих из Китая и членов их семей осуществлялась железнодорожным транспортом. В зависимости от места назначения на территории СССР, эшелоны двигались через пограничные станции Гродеково Дальневосточной железной дороги (Приморский край) и Забайкальск Забайкальской железной дороги (Читинская область).

Для качественной организации и проведения работ китайскими рабочими на местах, среди советского населения выявлялись граждане, владеющие китайским языком для работы переводчиками. Как правило, ими являлись советские граждане, прибывшие из КНР в порядке реэмиграции после Великой Отечественной войны. В 1955 г. на территории Хабаровского края таких было выявлено 19 чел.⁸ Впоследствии, переводчики, а также помощники директоров по работе среди китайских рабочих, набирались из числа желающих работать в Советском Союзе китайцев.

Надо отметить, что в дальнейшем, несмотря на пожелания китайской стороны, китайских работников в приграничные с КНР районы больше не направляли. Скорее всего, это было обусловлено из соображений безопасности. Так, уже в следующем 1956 г. 1000 китайских наёмных рабочих была направлена для строительства различных предприятий в Чкаловскую и Молотовскую области⁹.

Рассмотрение некоторых качественных характеристик дешёвой китайской рабочей силы позволяет выявить в её использовании, как плюсы, так и минусы. Основным минусом, пожалуй, являлась малоквалифицированность рабочих, т.к. главная их масса набиралась из представителей низших социальных слоёв, крестьян. Обладая низкой профессиональной конкурентоспособностью, эти слои испытывали значительные затруднения в поисках подходящих рабочих мест на китайских рынках труда. Поэтому основной мотивацией их к выезду на работу в другие страны, в т.ч. и в СССР, являлась элементарная потребность в получении средств к существованию, а при некоторой удаче возможность накопить небольшой капитал. Чаще всего такие работники не имели никакого специального, профессионального образования, а строительные и иные рабочие специальности приобретались ими практическим путём. Такой вывод о неквалифицированности позволяет сделать анализ отчёта о наборе 1000 китайских рабочих в августе 1956 г. Согласно ему, из общего количества набранных рабочих со средним образованием выявлено 8 чел., окончивших 6 классов — 309, окончивших 4 класса — 628, малограмотных и неграмотных — 55 чел.¹⁰ Семейных было всего 207 чел., остальные 793 — холостяки.

Положительные же моменты использования китайских наёмных работников заключались в высокой степени организованности их труда, дисциплинированности и трудолюбии. Помимо этого они отличались своей неприхотливостью в социально-бытовых условиях.

В 1950-х гг. китайская рабочая сила использовалась в различных регионах Советского Союза, но, вследствие своей неквалифицированности, применение находила лишь в строительстве. По данным переписи населения 1959 г. численность китайского населения в СССР составляла 25,8 тыс. чел.¹¹ После разрыва всякого рода отношений с Китаем в 1960-х гг., привлечение китайцев для работы в СССР также прекратилось, а все данные о наличии китайского населения в Советском Союзе тщательно скрывались.

В настоящее время мы вновь сталкиваемся с очередной волной трудовых мигрантов из Китая. Эта страна, как и раньше, испытывает огромные трудности с обеспечением своего населения работой. Несколько иная ситуация складывается в сопредельном с Китаем Дальневосточном регионе России. Тяжёлая экономическая ситуация, сложившаяся на современном этапе в регионе породила большие миграционные потери населения. Согласно мнению ряда учёных, единственным источником роста населения и трудовых ресурсов нашей страны в перспективе становится иммиграция¹². Само собой, что в силу своего пограничного положения, для Дальневосточного региона более всего характерно прибытие мигрантов из Китая. Причём на нынешнем этапе китайская иммиграция приобрела ряд особенностей, не характерных для неё в прошлом. Во-первых, это более высокие качественные характеристики мигрантов. В целом они характеризуются как молодые, активные, образованные, сбалансированные по полу¹³. Во-вторых, ориентированность трудовой миграции в большей мере на розничную торговлю, чем на строительство и на сельское хозяйство.

Появление и всё большее увеличение количества нелегальных мигрантов в современной России позволяет сделать вывод, что период привлечения и использования китайских рабочих в СССР носил самый организованный характер за всю свою историю. Из всей истории трудовой миграции в нашу страну, это единственный период, когда за иностранными работниками осуществлялся строгий контроль и учёт, а их трудовая деятельность была чётко организована и регламентирована.

Данная проблема в свете сегодняшней массовой трудовой миграции в Россию из различных стран мира, в т.ч. и из ближнего зарубежья, является наиболее актуальной. И для российского Дальнего Востока решение этой задачи особенно важно в связи с возможными перспективами увеличения объёма китайской миграции.

Библиографический список

- 1 Синькевич Я.Ю. История трудовой иммиграции в приграничных районах Дальнего Востока. М., 2003. С. 33.
- 2 ГАХК. Ф. 353. Оп. 10. Д. 484 А. Л. 2.
- 3 Воспоминания. Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева / Вопросы истории. 1992. № 11-12. С. 70.
- 4 ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 18. Д. 183. Л. 74.
- 5 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 20. Д. 158. Л. 29.
- 6 ГАХК. Ф. 1728. Оп. 2. Д. 14. Л. 1.
- 7 Там же. Л. 2.
- 8 Там же. Л. 10.
- 9 В 1957 г. Чкаловская область была переименована в Оренбургскую, а Молотовская — в Пермскую область.
- 10 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 20. Д. 158. Л. 30.
- 11 Синькевич Я.Ю. Указ. соч. С. 35.
- 12 Витковская Г.С., Зайончковская Ж.А. Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке России: надежды и реалии / Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия. Московский центр Карнеги. М., 1999. С. 86.
- 13 Там же. С. 98.

ФРОЛОВ Александр Владимирович, адъюнкт.

Дата поступления статьи в редакцию: 11.12.2006 г.

© Фролов А.В.